

При поддержке МИД России
и Комитета по международным делам Государственной Думы ФС РФ;
при участии Совета по внешней и оборонной политике

ДОКЛАД

Новое понимание и пути укрепления многосторонней стратегической стабильности

С.А. Караганов, Д.В. Суслов

Доклад подготовлен по итогам ситуационного анализа под руководством С.А. Караганова, состоявшегося 21 мая 2019 г. в МИД России с участием ряда ведущих российских независимых и правительственных специалистов в области политики безопасности и ограничения вооружений¹. Были приглашены и эксперты – представители нового поколения. Список участников обсуждения – независимых экспертов, не возражавших против того, чтобы быть указанными, приведен в Приложении 1.

По многим вопросам участники ситанализа не пришли к согласию, что отражает общее смятение в умах в экспертном и политическом сообществе и раскол на сторонников продолжения прежнего подхода к стратегической стабильности и процессу сокращения и ограничения ядерных вооружений, сложившегося в период «холодной войны», и сторонников переосмысления прежнего понимания стратегической стабильности и путей ее обеспечения с учетом фундаментальных изменений, произошедших и продолжающих происходить в военно-стратегической обстановке. Эти разногласия указаны в тексте доклада. В зарубежном экспертном сообществе смятение и раскол такие же, если не глубже.

Выводы и рекомендации доклада носят дискуссионный характер. Предлагается обсудить их как с более широким кругом российских специалистов, так и с представителями экспертного сообщества Китая и США. Предварительная версия доклада была обсуждена с американскими экспертами в рамках закрытого заседания Рабочей группы по будущему российско-американских отношений НИУ ВШЭ – Гарвардский университет в узком составе, состоявшегося 5-6 июля 2019 г. в Хельсинки при поддержке Международного дискуссионного клуба «Валдай» и Нью-Йоркской корпорации Карнеги.

Представленный доклад отражает прежде всего выводы его авторов, которые и несут ответственность за его содержание. Они благодарят участников ситуационного анализа и заседания Рабочей группы по будущему российско-американских отношений за высказанные замечания, предложения и идеи, которые отражены в докладе.

---

¹ Ситанализ был организован Факультетом мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ и Советом по внешней и оборонной политике при поддержке МИД России и Комитета по международным делам Государственной Думы ФС РФ.

Оглавление

0. Краткое содержание	4
1. Постановка проблемы	9
2. Новая стратегическая обстановка	19
2.1. Формирование «ядерной многополярности»	19
2.2. Стирание грани между ядерными и неядерными вооружениями	21
2.3. Факторы, ослабляющие стратегическую стабильность	26
2.3.1. Политические факторы	26
2.3.2. Геополитические факторы	27
2.4. Факторы, укрепляющие стратегическую стабильность	29
2.5. Вывод: оценка нынешнего состояния и перспектив стратегической стабильности	34
3. Новое понимание стратегической стабильности	38
3.1. Определение многосторонней стратегической стабильности	38
3.2. Старые и новые факторы стратегической стабильности	39
4. Пути укрепления многосторонней стратегической стабильности	41
4.1. Воздерживаться от новых соглашений по ограничению и сокращению ядерных вооружений и переговоров по ним	41
4.2. Воздерживаться и от сокращения, и от гонки вооружений	43
4.3. От ограничения вооружений – к каналам связи и кодексам поведения	44
4.4. Стратегические диалоги Россия – Китай, Россия – США, Китай – США	49
4.5. Продление ДСНВ-3	49
4.6. Политика в отношении распространения ядерного оружия	50
4.7. «Борьба за мир»: новое качество отношений между ядерными державами	51
4.8. От преодоления сдерживания к эффективному многостороннему ядерному сдерживанию	53
Приложение 1	55

0. Краткое содержание

0.1. Ситуация в области стратегической стабильности находится в глубоком кризисе. США последовательно разрушают традиционную архитектуру ее поддержания – систему соглашений по ограничению и сокращению ядерных вооружений, вновь рассматривают возможность использования ядерного оружия в неядерном конфликте для достижения победы, а также отказываются от серьезных переговоров по ее укреплению. Возникает ситуация вакуума правил в области ядерного оружия и понижается порог его применения – при том, что угроза военного столкновения между ядерными державами в нынешних политических и технологических условиях весьма высока.

0.2. Однако главная причина кризиса носит гораздо более глубинный характер и заключается в фундаментальном изменении военно-стратегического ландшафта, которое делает прежние понимание стратегической стабильности устаревшим, а традиционные механизмы ограничения вооружений неэффективными, если не бессмысленными.

0.3. Изменения военно-стратегического ландшафта заключаются в следующем:

- Приобретение многими неядерными вооружениями (высокоточные неядерные вооружения, ракеты большой дальности в неядерном оснащении, системы ПРО, космические, прежде всего противоспутниковые, а в перспективе и лазерные вооружения, кибервооружения) де факто стратегических свойств и стирание грани между ядерными и неядерными вооружениями. Это повышает угрозу ядерной эскалации неядерного военного конфликта и войны по ошибке, а также делает расчет стратегического баланса и выделение подлежащих ограничению видов и типов вооружений практически невозможным.
- Формирование «ядерной многополярности» в результате необратимости нынешнего уровня распространения ядерного оружия, а также возможного наращивания ядерного арсенала КНР. Это подрывает логику продолжения двустороннего российско-американского ограничения ядерных вооружений.

0.4. Главными факторами, ослабляющими стратегическую стабильность, повышающими опасность войны между ядерными державами с дальнейшей эскалацией на ядерный уровень, а также гонки вооружений, являются:

- опасное понижение у многих элит, особенно западных стран, уровня компетентности, чувства ответственности, усиление «стратегического паразитизма» – ощущения, что мир навсегда, ослабление сопротивления в обществах милитаристской политике;
- конфронтация США с Россией и Китаем: их стремление воспроизвести с Россией «успех Рейгана» 1980-х гг. (нанести геополитическое поражение через угрозу гонки вооружений) и навязать Китаю рейгановский сценарий принуждения Японии к стагнации, замедлить его военную модернизацию и технологическое развитие;
- опасность прямого военного столкновения Россия – США и Китай – США в региональных конфликтах с дальнейшей эскалацией неядерной войны и выходом на ядерный уровень;
- опасность войны, в том числе ядерной, в случае применения киберсредств против спутников, системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) или критической инфраструктуры, в том числе провокаций, устроенных третьей стороной;
- возможность развертывания вблизи территории России и Китая высокоточных вооружений, способных в том числе поражать ядерные установки, с коротким временем подлета;
- применение ядерного оружия третьими странами друг против друга, исчезновение в этой связи «ядерного табу», и дальнейшее распространение ядерного оружия.

0.5. В то же время, возникают факторы, укрепляющие стратегическую стабильность и уменьшающие опасность преднамеренной войны между ядерными державами и гонки вооружений:

- Приобретение Россией новейших вооружений, позволяющих ей гарантированно нанести неприемлемый ущерб США в ответном ядерном ударе при любом количественном и качественном развитии стратегических наступательных и оборонительных сил США на перспективу ближайших 10-15 лет. Это позволяет ей не участвовать в гонке вооружений и не тратить средства на поддержание количественного военно-стратегического «паритета» с США.
- Стратегическое партнерство России и КНР, высокий уровень доверия и отсутствие игры с нулевой суммой между ними, а также низкая вероятность перехода российско-китайских отношений к соперничеству в обозримой перспективе. Возможное увеличение ядерного арсенала КНР не будет представлять для России военной угрозы.
- Отсутствие у политических элит стран Запада стремления развязать войну с другими великими державами, стремление нанести геополитическое поражение США и Китаю.

тическое поражение России и КНР другими, прежде всего невоенными, средствами.

- Усиление асимметричного сдерживания в условиях меньшей прозрачности – способность слабых стран сдерживать гораздо более могучих в военном отношении держав, используя фактор неопределенности.
- Возможное приобретение неядерными средствами, в том числе ИКТ, способности стратегического сдерживания.

0.6. Данные факторы, с одной стороны, указывают на низкий уровень угрозы преднамеренной войны, особенно ядерной, между ядерными державами. С другой стороны, они существенно увеличивают опасность непреднамеренного военного конфликта между ними, а также вероятность его эскалации на уровень глобальной ядерной войны. Контролировать эскалацию и предотвращать военное столкновение между ядерными державами стало значительно сложнее. Общее состояние стратегической стабильности стало гораздо более сложным и менее управляемым, более подверженным разного рода случайностям и воздействиям со стороны неядерных факторов и третьих стран. **В целом угроза ядерной войны и уничтожения человечества выросла – даже при отсутствии у сторон намерений ее развязывать.**

0.7. Качественно изменившаяся и усложнившаяся стратегическая обстановка требует выработки нового определения и понимания самого термина «стратегическая стабильность», а также новых подходов к уменьшению угрозы ядерной войны.

0.8. Традиционное понимание стратегической стабильности как ситуации, характеризующей отношения России и США в области ядерного оружия, при которой ни у одной из сторон нет стимула нанести по второй стороне первый ядерный удар, и которая предполагает поддержание примерного равенства их стратегических ядерных сил посредством двусторонних режимов ограничения ядерного оружия, устарело. Сегодня природа стратегической стабильности носит многосторонний характер – с участием Китая и других ядерных стран, а неядерный конфликт по военным последствиям может быть сопоставим с ядерным и с более высокой степенью вероятности, чем прежде, спровоцировать применение ядерного оружия.

0.9. **В новых условиях стратегическая стабильность должна характеризовать способность ядерных держав не допускать любых прямых военных столкновений, в том числе неядерных и непреднамеренных.** Это требует мер не только и не столько военного, сколько политического и международно-политического характера, включая снижение накала конфронтации между ядерными державами и восстановление почти полностью исчезнувшего на сегодняшний день доверия.

0.10. **Возникает необходимость ввести в оборот новый термин – «многосторонняя стратегическая стабильность» (МСС): такое состояние отношений между ядерными державами, при котором они способны не допустить любое военное столкновение друг с другом – как намеренное, так и непреднамеренное, поскольку всякое такое столкновение способно перерасти в глобальную ядерную войну.**

0.11. В ее основе по-прежнему лежит сдерживание, которое основывается на осознании потенциальным агрессором неотвратимого возмездия и гарантированной способности жертвы агрессии нанести ему неприемлемый ущерб в ответном ударе. В новых условиях многостороннее взаимное сдерживание представляется главным фундаментом многосторонней стратегической стабильности. Это автоматически исключает ядерное разоружение. Более того, поскольку предотвращать необходимо уже не только первый ядерный удар, а любые, в том числе неядерные, военные столкновения ядерных держав друг с другом, способы укрепления МСС должны быть иными, чем в «холодную войну» и период после ее завершения.

0.12. Ограничение и сокращение ядерных вооружений и поддержание примерного равенства СЯС уже не работает: оно лишено смысла с военно-стратегической точки зрения, крайне маловероятно в многосторонних форматах и затруднено невозможностью рассчитать стратегический баланс и выделить подлежащие ограничению и сокращению вооружения в условиях развития военных технологий. В этой связи продолжение традиционного процесса ограничения ядерных вооружений представляется нереалистичным как в двустороннем российско-американском, так и тем более в трехстороннем (Россия – Китай – США) и многосторонних форматах.

0.13. Наиболее первоочередными мерами укрепления МСС представляются:

- укрепление каналов коммуникации между военными,
- укрепление многосторонних и двусторонних режимов транспарентности и предсказуемости в военно-стратегической сфере без обязательств по ограничению вооружений,
- укрепление диалогов Россия – США и Китай – США по их ядерным доктринам и военным стратегиям, дальнейшее углубление стратегического диалога Россия-Китай.
- выработка правил поведения в военной сфере в наиболее опасных с точки зрения риска военных столкновений областях – ИКТ, высокоточные неядерные вооружения, космос, искусственный интеллект, а также правил и кодексов поведения в региональных конфликтах,
- разработка мер и регламентов поведения (деэскалации) в случае, если военное столкновение ядерных держав произойдет.

- Продление ДСНВ-3 на новый срок в качестве временной меры сохранения предусмотренных им мер транспарентности в области ядерных вооружений, рассмотрение варианта сохранения этих мер при ликвидации количественных ограничений.

0.14. На средне- и долгосрочную перспективу важной мерой укрепления МСС представляется запуск комплексных, концептуальных и не ориентированных на достижение быстрых договоренностей диалогов Россия – Китай, Россия – США, Китай – США по фундаментальным вопросам международной стратегической стабильности в целом. Они могут касаться оценки нынешней военно-стратегической ситуации в мире и перспектив ее развития, определения и философии стратегической стабильности в новых условиях и желательных мер по ее укреплению, механизмов укрепления сдерживания, доверия, предотвращения военных столкновений и ограничения гонки вооружений, ядерных доктрин и приоритетов развития Вооруженных сил. Данные диалоги стоит вести с активным использованием механизмов «второго трека», экспертного сообщества.

0.15. Не менее значимой мерой укрепления МСС представляется содействие формированию нового качества политических отношений между ядерными державами, прежде всего Россией, США и Китаем, и преодолению нынешней остроты конфронтации. Это качество должно заключаться в принятии ими принципа о недопустимости любого военного столкновения друг с другом и важности его скорейшего прекращения и деэскалации в случае, если подобный конфликт все же произойдет, а также того, что системная конфронтация между ними опасна с точки зрения безопасности и губительна для их внешнеполитических интересов.

0.16. Целесообразно открыто и на высшем уровне провозгласить «борьбу за мир» – недопущение войны между ядерными державами – одной из важнейших целей российской внешней политики, сопроводив это «мирными инициативами», нацеленными на возрождение среди элит и обществ великих держав рационального страха перед войной и оздоровление и улучшение политических отношений между ними.

1. Постановка проблемы

1.1. Расшатывание стратегической стабильности превратилось на сегодняшний день в один из самых актуальных и значимых вопросов международной безопасности и международных отношений в целом. Причины – появление новых типов вооружений, последовательное и значительно ускорившееся за последние годы разрушение традиционных механизмов ограничения гонки вооружений и снижения угрозы ядерной войны – двусторонних российско-американских переговоров и договоров об ограничении и сокращении ядерных стратегических вооружений, выход США из иранской «ядерной сделки», происходящие на фоне резкого обострения отношений США с Россией и Китаем, их перехода в состояние новой конфронтации, имеющей в том числе военное измерение.

1.2. 2 августа 2019 г. США и Россия прекратили участие в Договоре о ликвидации ракет средней и меньшей дальности наземного базирования (ДРСМД) от 1987 г. в связи с решением Вашингтона прекратить выполнять его положения якобы из-за его нарушения российской стороной. США не пытались сохранить договор и не только не вели с Россией серьезных переговоров ни по нему, ни по ограничению вооружений в целом, но делали все для того, чтобы эти переговоры были бы невозможными, и лишь прикрылись обвинениями в адрес Москвы для отказа от ограничений, которые начали считать для себя невыгодными. Одновременно администрация Д. Трампа не проявляет желания продлевать на следующие пять лет ключевой сохраняющийся договор по ограничению ядерных вооружений и единственному режим, обеспечивающий транспарентность и предсказуемость в ядерной сфере, – Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ-3) от 2010 г., срок действия которого истекает 5 февраля 2021 года. Все чаще говорится о том, чтобы увязать его продление с распространением ограничений на нестратегическое ядерное оружие, где у России есть количественный перевес. Вместо продления ДСНВ-3 в нынешнем виде США предлагают начать трехсторонние переговоры о сокращении ядерного оружия в формате США – Россия – Китай. В силу вероятной нереализуемости, данное предложение,

скорее всего, является лишь способом избавиться от ДСНВ-3, переложив вину за окончательное разрушение контроля над ядерными вооружениями на Москву и Пекин. Ни по одному из этих шагов администрация Трампа не встречает сопротивления со стороны республиканского истеблишмента, а по ДРСМД была по сути поддержана и демократами. До этого, в 2002 г., США в одностороннем порядке вышли из Договора по ПРО, который рассматривался как краеугольный камень стратегической стабильности в ее традиционном понимании.

1.2.1. Очевидно, США и по крайней мере республиканская часть элиты берут курс на обеспечение максимальной свободы рук в военно-стратегической сфере и стремятся сознательно избавиться от сохраняющихся ограничений в области ядерного оружия. Видимо, считая, что это поможет взять верх в новой конфронтации с Китаем и Россией, пока США по своей совокупной мощи еще превосходят Россию и Китай и обладают для гонки вооружений большими ресурсами.

1.2.2. В отношении России администрация Трампа пытается повторить «успех Рейгана» – ослабление СССР через втягивание его в гонку вооружений и военно-политические кризисы. В отношении Китая она пытается воспроизвести политику, проводившуюся в отношении Японии в 1980-е гг., когда навязывание неравноправных и несправедливых экономических ограничений на десятилетия обрушили рост и развитие Японии. Как согласились участники ситанализа, ситуация кардинально изменилась, и США не удастся воспроизвести рейгановский «успех».

1.3. Вероятность, что США полностью изменят курс в случае прихода другой (демократической) администрации и вернуться к поддержке традиционных двусторонних соглашений об ограничении и сокращении стратегических ядерных вооружений с Россией, невелика (в этом вопросе позиции участников ситанализа разошлись, некоторая часть экспертов полагает, что демократическая администрация все-таки вернется к традиционным подходам к ограничению вооружений). Мнение экспертов, считающих, что возвращение Вашингтона к традиционному ограничению вооружений маловероятно, сводится к следующему:

Во-первых, демократы так же, как и республиканцы, рассматривают Китай как стратегического соперника, сдерживать которого необходимо в том числе военными средствами. Маловероятно, что они пойдут на дальнейшее двустороннее сокращение или даже просто ограничение стратегических ядерных вооружений с Россией, позволяя Китаю сокращать разрыв в стратегических ядерных арсеналах с США.

Во-вторых, уже администрация Обамы, которая сегодня позиционируется сторонниками традиционного подхода к стратегической ста-

бильности и ограничению вооружений в США и в России как эталон ответственного и правильного подхода к этой проблеме, на деле вышла за рамки этого самого традиционного подхода. После заключения ДСНВ-3 она предлагала разработать договор, ограничивающий и сокращающий не только стратегические, но и нестратегические (тактические) ядерные вооружения, которые за исключением ДРСМД выводились за рамки советско-американских и российско-американских ограничительных соглашений. С тех пор в США сформировался почти консенсус о том, что новые двусторонние соглашения с Россией об ограничении и сокращении ядерных вооружений (после ДСНВ-3) можно принимать лишь в случае, если они будут включать в себя нестратегические ядерные силы, где у России имеется количественное превосходство, вызванное объективными географическими факторами. В настоящее время демократы полностью придерживаются этого консенсуса, в то время как многие республиканцы выступают за ограничение и сокращение российского арсенала ТЯО как условие продления ДСНВ-3 до 2026 года.

В-третьих, маловероятно, что даже демократическая администрация пойдет на новые двусторонние соглашения с Россией по сокращению и ограничению ядерных вооружений, не попытавшись включить в ограничительные режимы новейшие виды и типы носителей ядерного оружия, не укладывающиеся в традиционную ядерную триаду (гиперзвуковые ракетные планирующие комплексы, гиперзвуковые крылатые ракеты большой дальности, беспилотные подводные носители ядерного оружия и т.д.), по которым Россия существенно вырвалась вперед.

1.4. В результате наиболее вероятным сценарием представляется разрушение существующих двусторонних российско-американских режимов по ограничению и сокращению ядерного оружия, а также связанных с ними мер транспарентности и доверия. Вопрос – когда: в 2021 г. или позже, если администрация Трампа все же решит продлить ДСНВ-3.

1.5. Одновременно, а отчасти и в результате этого, слабеют и многосторонние режимы ограничения и сокращения ядерных вооружений – соблюдаемый пока Россией и США режим моратория на ядерные испытания, базирующийся на не вступившем в силу соответствующем договоре (ДВЗЯИ), и режим нераспространения ядерного оружия (ДНЯО). Озвученные Вашингтоном в июне 2019 г. оценки о том, что Россия якобы в нарушение добровольного моратория проводит ядерные испытания, могут говорить о стремлении администрации Трампа отказаться от соответствующего моратория и возобновить испытания ядерного оружия. Отмирание двусторонних российско-американских соглашений по ограничению и сокращению ядерных вооружений окажет негативное воздействие на режим нераспространения

ядерного оружия, базирующийся на обязательстве официальных ядерных держав сокращать свои ядерные арсеналы (статья 6 ДНЯО). Усилится риторика о том, что без перспективы сокращения официальными ядерными странами своих ядерных арсеналов ДНЯО представляет собой не более, чем кодификацию несправедливости в глобальном масштабе.

1.6. В результате впервые с 1950-х гг. возникает ситуация политико-правового вакуума в области ядерных вооружений на фоне конфронтации США с двумя великими державами, не соглашающимися с их гегемонией, – Россией и Китаем, и стремления Вашингтона обеспечить себе максимальную свободу рук в военной, в том числе стратегической, сфере.

1.7. Однако главные причины глубокого кризиса ситуации в области стратегической стабильности носят более фундаментальный и глубинный характер, чем подходы нынешней американской администрации. Они заключаются в следующем²:

- Приобретение многими неядерными вооружениями (высокоточные неядерные вооружения, ракеты большой дальности в неядерном оснащении, системы ПРО, противоспутниковые вооружения, вооружения, размещаемые в космосе для ударов по объектам на Земле (в том числе в перспективе лазерные вооружения), кибервооружения) де факто стратегических свойств и все большее стирание грани между ядерными и неядерными стратегическими вооружениями, невозможность в этой связи рассчитать стратегический баланс и выделить подлежащие ограничению и сокращению виды и типы вооружений;
- повышение риска пуска стратегических ядерных ракет по ошибке на основании ложного сигнала спутников о ракетном нападении по причине того, что гиперзвуковые ракеты сложнее отследить радарными, и, соответственно, более затруднительно подтвердить их пуск и рассчитать траекторию полета, что необходимо для принятия решения об ответно-встречном ударе;
- стирание грани между стратегическими и нестратегическими ядерными вооружениями в условиях разрушения ДРСМД и намерения США расширить арсенал ядерного оружия малой мощности и поставить их на стратегические носители, что также обесценивает ограничение и сокращение только стратегических ядерных арсеналов;
- необратимость произошедшего распространения ядерного оружия (Индия, Пакистан, Израиль, и в перспективе КНДР) и отсутствия га-

² Представленный здесь перечень не является исчерпывающим. Более подробный анализ представлен в Разделе 2.

рантий того, что оно не пойдет дальше (по этому вопросу участники обсуждения не согласились);

- опасное понижение у многих элит, особенно западных стран, чувства ответственности, усиление «стратегического паразитизма» – ощущения, что мир навсегда, ослабление сопротивления в обществах милитаристской политике;
- Общее усложнение военно-стратегического ландшафта в результате учета США и Россией фактора третьих ядерных стран и необратимости нынешнего уровня распространения ядерного оружия. Формируется «ядерная многополярность».

1.8. В то же время, было бы ошибкой утверждать, что ситуация в области стратегической стабильности сегодня однозначно хуже, чем в период «холодной войны». Налицо факторы, укрепляющие стратегическую стабильность и уменьшающие опасность преднамеренной войны между ядерными державами и гонки вооружений. Подробный анализ таких факторов представлен в Разделе 2, и они не были оспорены экспертами.

1.9. Таким образом, нынешнее состояние стратегической стабильности стало однозначно более сложным и менее управляемым, более подверженным разного рода случайностям и воздействиям со стороны неядерных факторов и третьих стран. **Угроза ядерной войны и уничтожения человечества в целом возросла – даже при отсутствии у сторон намерений ее развязывать.** Качественно изменившаяся и усложнившаяся стратегическая обстановка требует выработки нового определения и понимания самого термина «стратегическая стабильность», а также новых подходов к уменьшению угрозы ядерной войны.

1.10. Традиционное понимание стратегической стабильности как ситуации, при которой ни у России, ни у США нет стимулов нанести друг по другу первый ядерный удар, и которая, в свою очередь, предполагает сохранение гарантированного взаимного уничтожения через поддержание примерного равенства (паритета) их стратегических ядерных сил и запрет на создание стратегических систем ПРО, а также постепенные сокращения ядерных арсеналов обеих стран, устарело. Оно не отражает ни многосторонний характер нынешней стратегической ситуации, ни приобретение неядерными вооружениями стратегических свойств. Часть экспертов вообще считает паритет искусственным и даже вредным понятием, усиливающим недоверие и провоцирующим гонку вооружений.

1.11. Классическое определение стратегической стабильности содержалось в **«Совместном заявлении СССР и США относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и дальнейшему укреплению стратегической стабильности»** (июнь 1990 г.). В нем говорится, что це-

лью переговоров СССР и США будет *«уменьшить опасность возникновения войны, особенно ядерной войны, обеспечить стратегическую стабильность, транспарентность и предсказуемость посредством дальнейших стабилизирующих сокращений стратегических арсеналов обеих стран. Это будет достигнуто путем поиска договоренностей, повышающих выживаемость, устраняющих стимулы для нанесения первого ядерного удара и воплощающих соответствующую взаимосвязь между стратегическими наступательными и оборонительными средствами»*. Далее в тексте Совместного заявления уточняется, что главными мерами, содействующими устранению стимулов для нанесения первого удара, являются *«уменьшение концентрации боезарядов на стратегических носителях»* и *«оказание предпочтения средствам, обладающим повышенной выживаемостью»*.

1.12. Другие появлявшиеся на официальном уровне определения стратегической стабильности, напротив, распространяют этот термин до понятия международная безопасность в целом, что правильно по сути, но лишает его инструментальной ценности. Например, «Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики об укреплении глобальной стратегической стабильности» от 25 июня 2016 г. определяет стратегическую стабильность как *«состояние международных отношений, характеризующееся следующими факторами: в политической сфере – строгое соблюдение всеми государствами и объединениями государств принципов и норм международного права и положений Устава ООН, регулирующих вопросы применения силы и принятия принудительных мер, уважение законных интересов всех государств и народов при решении актуальных международных и региональных проблем, недопустимость вмешательства в политическую жизнь других государств; в военной сфере – сохранение всеми государствами своих военных потенциалов на минимальном уровне, необходимом для нужд национальной безопасности; целенаправленное воздержание от шагов в области военного строительства, формирования и расширения военно-политических союзов, которые могли бы восприниматься другими членами международного сообщества как угрожающие их национальной безопасности и вынуждали бы их принимать ответные меры, направленные на восстановление нарушенного равновесия; разрешение разногласий путем позитивного и конструктивного диалога, укрепление взаимного доверия и сотрудничества.»*

1.13. Таким образом, необходимо выработать новое определение и понимание стратегической стабильности, которое, с одной стороны, отражало бы качественное изменение стратегической обстановки в мире, но, с другой стороны, носило бы строгий характер и не размывало бы его до международной безопасности в целом. Наш вариант этого определения предлагается в Разделе 3.

1.14. То же касается и инструментов обеспечения стратегической стабильности. Традиционный способ – когда взаимное сдерживание поддерживалось через наличие достаточно строгих юридически обязывающих и верифицируемых режимов ограничения и сокращения ядерных сил СССР/России и США, поддержании последних в примерно равновесном состоянии и запрете на создание систем стратегических ПРО, уже не работает.

Во-первых, данные режимы последовательно разрушаются Соединенными Штатами, и, как указано выше, в ближайшие несколько лет, вероятно, полностью отомрут.

Во-вторых, выработке новых строгих режимов ограничения и сокращения ядерных вооружений России и США препятствует полная потеря за последние годы доверия между ними, особенно со стороны Москвы. Руководство и элита России просто не могут верить, что даже в случае выработки договоренности будут выполняться Соединенными Штатами. В то же время угроза преднамеренной ядерной войны между Россией и США, которая остро ощущалась в 1960-е – 1980-е гг. и заставляла тогда Москву и Вашингтон идти на ограничительные соглашения, сознательно отказываясь от тех или иных видов вооружений (например, стратегических ПРО), сегодня кажется относительно небольшой. Видимо – напрасно, и это одно из проявлений «стратегического паразитизма» – привычки к миру.

В-третьих, система укрепления стратегической стабильности, основанная на взаимном ограничении и сокращении определенных видов и типов стратегических ядерных сил России и США в двустороннем формате без учета фактора третьих ядерных стран и всей совокупности факторов, влияющих на возможность ядерной войны, включая все большее стирание грани между ядерными и неядерными, стратегическими и нестратегическими ядерными вооружениями, в принципе теряет смысл.

1.15. При этом консенсуса или даже контуров понимания того, каким должно быть новое понимание стратегической стабильности и как ее поддерживать и укреплять в новой стратегической обстановке, не существует ни в российском экспертном и политическом сообществе (и это в полной мере выявилось на ситанализе), ни в США, ни где-либо еще.

1.15.1. Часть экспертного сообщества, представленная сторонниками традиционной системы ограничения вооружений в России и США, предлагает сохранить классическое понимание стратегической стабильности как отсутствие стимулов для нанесения первого ядерного удара и предотвращение ядерной войны в целом, но распространить его на третьи ядерные державы, особенно на Китай. При этом они на-

стаивают на продолжении прежнего процесса ограничения и сокращения стратегических ядерных вооружений между Россией и США в двустороннем формате, выводя за скобки как третьи ядерные страны, так и неядерные стратегические вооружения. Данная группа экспертов указывает, что ядерный потенциал третьих стран несопоставим с российским и американским, что по своему разрушительному воздействию неядерные средства не сопоставимы с ядерными, и что использование ядерного оружия в любом случае незаконно и аморально, а потому его применение неприемлемо ни при каких обстоятельствах.

1.15.2. Данный подход противоречит не только изменившейся стратегической обстановке и официальной политике России и США, настаивающих на учете других факторов, влияющих на стратегическую стабильность, но и, как представляется, самому себе. Признать многосторонний характер стратегической стабильности, но при этом настаивать на продолжении двустороннего процесса сокращения и ограничения СЯС России и США представляется процессом ради процесса, а не ради укрепления стратегической стабильности. Но некоторые эксперты, даже скептически настроенные в отношении дальнейших перспектив ограничения вооружений, не отвергают «процесс ради процесса» – для создания хотя бы видимости улучшения политических отношений с США, которые в данный момент находятся в худшем состоянии с 1950-х годов.

1.15.3. Другая точка зрения, продвигаемая сегодня администрацией Трампа и частью экспертного сообщества США, заключается в необходимости распространить систему ограничения и сокращения ядерных вооружений на Китай и сделать ее трехсторонней, а также распространить ее на нестратегические ядерные вооружения, наличие которых у России и КНР вызывает традиционную озабоченность в Вашингтоне.

1.15.4. Реализация этого подхода не представляется возможной в кратко- и среднесрочной перспективе, а попытки воплотить ее в жизнь чреваты лишь дальнейшим усилением недоверия в российско-американских отношениях и, что более важно, ослаблением доверия и осложнением отношений между Россией и КНР. Жесткие режимы контроля над вооружениями, снабжаемые детальными системами верификации и мониторинга, создаются между противниками и для отношений, основанных на недоверии, когда стороны априори исходят из того, что противоположная сторона будет пытаться нарушать договоренность, добиваясь тем самым превосходства. Создаваясь между друзьями, они сами по себе будут отравлять отношения и трансформировать их во враждебные. Уже по этой причине трехсторонние переговоры Россия – США – Китай Москве, видимо, невыгодны. Кроме

того, Китай в любом случае категорически отказывается участвовать в каких-либо ограничительных системах, и намерен придерживаться этой позиции до тех пор, пока не выйдет на сопоставимый с Россией и США уровень СЯС. Хотя официально Китай к этому не стремится, большинство экспертов, высказывавшихся на эту тему на ситанализе, полагают, что это в обозримой перспективе произойдет. Наконец, все равно видимо нет ответа на вопрос, что именно ограничивать в условиях все большего переплетения ядерных и неядерных вооружений. Попытки ограничить все системы, использование которых может спровоцировать ядерную войну, заранее обречены на провал в любом формате, тем более в многостороннем. Хотя бы потому, что в условиях переплетения ядерных и неядерных вооружений невозможно рассчитать баланс – важнейшее условие традиционных режимов ограничения и сокращения СЯС между Россией и США.

1.15.5. Третья группа экспертов предлагала пустить все на самотек: пассивно наблюдать за разрушением имеющихся режимов и не создавать ничего им взамен, тем самым осознанно допуская ситуацию политико-правового вакуума в области стратегических вооружений. Сторонники этой точки зрения указывали на то, что совершенный Россией за последние годы скачок и приобретение новейших стратегических систем, прежде всего гиперзвуковых, позволяют ей не опасаться возможного наращивания стратегических наступательных и оборонительных вооружений США или кого-либо еще, а потому эффективное сдерживание с ее стороны более не требует наличия каких-либо режимов транспарентности и ограничения, по крайней мере в ближайшие десять лет. Этот подход также имеет недостатки и не представляется полностью адекватным. Хотя угроза преднамеренного ядерного нападения на Россию действительно невелика и будет оставаться такой в обозримой перспективе вне зависимости от развития СЯС других стран, ситуация полного вакуума режимов, во-первых, повышает опасность непреднамеренного конфликта, в том числе ядерного (войны по ошибке). Во-вторых, она не способна предотвратить неядерный военный конфликт, который, в свою очередь, может привести к ядерной эскалации. Тем более в условиях сохранения конфронтации между Россией и США, усиления конфронтации между США и Китаем, тотального недоверия Россия-США и Китай-США, а также опасного падения стратегической культуры, особенно в Вашингтоне. Наконец, полное отсутствие режимов будет усиливать гонку вооружений между США и Китаем.

1.16. Доклад, основанный на обсуждении на ситанализе, представляет собой попытку выработать новое понимание стратегической стабильности с

учетом изменившейся стратегической ситуации, которое было бы пригодно для использования в практической внешней и оборонной политике, а также предложить адекватные новой обстановке меры по ее укреплению – как в области стратегических вооружений, так и за ее пределами. Другая цель этого доклада – активизировать экспертное обсуждение – как внутри России, так и между Россией и США, Россией и Китаем.

Далее в тексте будут развернуты вышеизложенные положения, а также даны наши рекомендации в отношении путей укрепления многосторонней стратегической стабильности.

2. Новая стратегическая обстановка

Фундаментально изменившаяся за последние годы стратегическая обстановка в мире носит неоднозначный характер. Сами по себе исчезновение ядерной биполярности и приобретение неядерными вооружениями стратегических свойств не обязательно повышают риски ядерной войны и неконтролируемой гонки вооружений. Напротив, они могут даже усиливать сдерживание в отношении США, удерживая их от проведения разрушительной политики по образцу 1990-х – 2000-х годов. Ослабление стратегической стабильности возникает скорее вследствие возможного развязывания неядерного конфликта и его перетекания в ядерную войну, а также в результате усиления конфронтации США – Китай и США – Россия. В этой связи имеет смысл выделить как нейтральные с точки зрения ослабления / укрепления стратегической стабильности, но явно делающие ее более сложной и меняющие способы ее укрепления факторы, так и те, что однозначно содействуют стабилизации и дестабилизации.

2.1. Формирование «ядерной многополярности»

2.1.1. Характерная для «холодной войны» и последующего периода ситуация ядерной биполярности, когда СССР / Россия и США ориентировались в своей ядерной политике практически всецело лишь друг на друга, заканчивается. Вашингтон и Москва уже учитывают потенциал других ядерных стран. Для США фактор неучастия Китая в каких-либо ограничительных режимах в области ядерных вооружений приобретает особое значение в контексте усиления ими политики сдерживания КНР и рассмотрения его в том числе как военного противника. Нынешний масштаб распространения ядерного оружия представляется необратимым. При этом страны – неформальные члены «ядерного клуба» проводят независимую ядерную политику и совершенствуют средства доставки ядерного оружия. Все вместе это формирует «ядерную многополярность».

2.1.2. По мнению некоторых экспертов, в ближайшие 10-15 лет Китай может попытаться совершить рывок и выйти на уровни СЯС, сопоставимые с Рос-

сией и США. Основываясь на открытых источниках о состоянии китайских НИОКР, эти эксперты прогнозируют способность КНР выйти на уровень в 500-600 ядерных боезарядов на стратегических носителях в ближайшие пять лет и свыше тысячи – к концу следующего десятилетия. В частности, известно о планах развертывания КНР нового поколения тяжелых жидкостных МБР и двух семейств мобильных твердотопливных МБР; новых поколений ПЛАРБ с новыми БРПЛ; полноценных стратегических бомбардировщиков, спроектированных с учетом технологий малозаметности. Одновременно осуществляются инвестиции в расширение производственной базы, инфраструктуры ядерных сил, в особенности атомных ракетных подводных лодок.

2.1.3. Реализация этих прогнозов позволит Китаю достичь политико-психологически значимой ситуации стратегического ядерного паритета с США, а также подавляющего стратегического превосходства над Индией. Хотя большинство российских и американских экспертов сомневаются в том, что руководство КНР примет такое решение, они согласны, что сегодня у Пекина есть для этого экономические и технологические ресурсы, а также необходимый задел. В отличие, например, от Франции, у которой в национальном качестве экономического потенциала для подобного рывка нет. Поскольку же появление у Китая данного потенциала накладывается на решение США рассматривать его как стратегического противника и проводить в отношении него политику сдерживания, Вашингтон уже сегодня рассматривает Пекин как один из детерминантов своей политики по развитию СЯС и ядерной доктрины.

2.1.4. Необратимость нынешнего масштаба распространения ядерного оружия, в том числе крайне низкая вероятность полной и необратимой денуклеаризации КНДР, не вызывает сомнений. При этом Индия, Пакистан, Северная Корея и Израиль проводят независимую политику в области ядерного оружия и имеют самостоятельные ракетные программы, совершенствование которых, как в случае КНДР, создает потенциал сдерживания в том числе в отношении ядерных сверхдержав. Однако среди экспертов отсутствует единое мнение касательно перспектив дальнейшего распространения ядерного оружия.

2.1.5. Часть указывает, что нынешняя политика США (нападения на неядерные Югославию, Ирак и Ливию и де-факто отказ от применения военной силы против ядерной КНДР, а также решение выстроить прямой диалог с ней после заявленного успешного испытания МБР; политика смены режимов неядерных стран; односторонний выход из СВПД по урегулированию ядерной программы Ирана и открытое провоцирование его на отказ от выполнения сделки; одностороннее разрушение режимов ограничения и сокращения ядерных вооружений) и уменьшение веры некоторых американ-

ских союзников в надежность американских ядерных гарантий, особенно в долгосрочной перспективе, делает дальнейшее распространение ядерного оружия почти неизбежным. По их мнению, высока вероятность выхода на пороговый уровень Ирана и как результат Саудовской Аравии и Египта, а также Японии и Южной Кореи (в случае с ними возможно и размещение на их территории ядерного оружия США).

2.1.6. Однако другие эксперты, соглашаясь с кризисом ДНЯО, указывали, что каскадного распространения ядерного оружия в обозримой перспективе, скорее всего, не произойдет. По их мнению, Иран, Саудовская Аравия, Египет, Япония, Южная Корея, а также Германия, будут приходить к выводу, что риски от приобретения ядерного оружия для них значительно превысят возможные выгоды. Существуют и внутривнутриполитические ограничения для многих из этих стран, а также сохраняющийся пока консенсус среди ядерных держав – участников ДНЯО – о том, что дальнейшего распространения ядерного оружия произойти не должно.

2.1.7. Формирование «ядерной многополярности» существенно усложняет стратегическое уравнение и заставляет США и Россию учитывать фактор третьих стран в своей политике в стратегической сфере, что ставит крест на двустороннем процессе сокращения и ограничения ядерных вооружений. Кроме того, нынешний масштаб распространения, не говоря уже о новой волне, увеличивает угрозу применения ядерного оружия третьими странами друг против друга (Пакистан – Индия), которое разрушит ядерное табу и может усилить восприятие ядерного оружия как оружия войны, а не только сдерживания. Наконец, даже нынешний масштаб распространения усиливает угрозу попадания ядерного оружия в руки негосударственных игроков (в случае кризиса государственности Пакистана и КНДР).

2.2. Стирание грани между ядерными и неядерными вооружениями

2.2.1. Стремительное развитие и диверсификация военных технологий, разработка и бесконтрольное внедрение в жизнь все новых видов и типов оружия, распад ограничительных режимов или даже просто правил поведения не обязательно усиливает гонку вооружений и повышает опасность ядерной войны. Это зависит от конкретного политического контекста и технологий. Если рассматривать стратегические неядерные вооружения, киберсредства и т.д. как оружие нападения против ядерного государства, то они ослабляют стратегическую стабильность, провоцируя ядерную эскалацию. Если же рассматривать их как оружие сдерживания, удерживающее потенциального, в том числе ядерного, агрессора от нападения, то они оказывают стабилизирующий эффект. Однако в любом случае новые военные технологии создают нерегулируе-

мую «серую зону» стратегических отношений и обесмысливают как традиционный процесс ограничения и сокращения СЯС, выстроенный по принципу поддержания Россией и США сопоставимого числа стратегических носителей и ядерных боезарядов, так и традиционное понимание стратегической стабильности как отсутствие стимулов нанесения первого ядерного удара.

2.2.2. Приобретение многими неядерными вооружениями, включая информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), стратегических свойств лишают ядерное оружие традиционной монополии на возможность нанесения неприемлемого ущерба ядерным державам. В результате повышается угроза применения ядерного оружия в ответ на неядерный удар. Это уже находит свое отражение в доктринальных документах США и НАТО (вплоть до применения ядерного оружия в ответ на кибератаку, не говоря уже о контрсилловом ударе высокоточными ракетами) и заявлениях руководителей государств. Причем говорится в том числе о высокой вероятности нанесения ответно-встречного ядерного удара в случае фиксации ракетной атаки – без идентификации того, является ли эта атака ядерной или неядерной.

2.2.3. Все большее стирание грани между стратегическими неядерными и ядерными средствами по мере приобретения первыми способности поражать стратегические цели (выводить из строя СЯС противника) и наносить невосполнимый ущерб (например, разрушение критической инфраструктуры вплоть до взрывов АЭС с помощью кибератаки) при полном отсутствии ограничительных режимов для неядерных вооружений обесмысливает традиционную для режимов сокращения и ограничения вооружений счетность и делает расчет стратегического баланса невозможным (как бы он ни был условен). Посчитать, сколько «весят» различные неядерные вооружения, включая киберсредства, относительно СЯС и вывести формулу, которая подходила бы для всех видов и типов стратегических средств, невозможно в принципе. Попытки же сложить все стратегические средства в одну корзину и ограничивать вообще все, видимо, обречены на провал.

2.2.4. Появление в настоящее время принципиально новых видов стратегических ядерных носителей – гиперзвуковых крылатых ракет, ракетных планирующих комплексов, летающих не по баллистической траектории и способных тем самым обходить любые системы ПРО, включая космические, подводных беспилотных аппаратов с ядерными боеголовками и других вооружений, которые не ограничены нынешними соглашениями, так же делает расчет стратегического баланса невозможным. Формул соотношения «веса» этих средств относительно классических стратегических носителей, очевидно, не существует.

2.2.5. Кроме того, продолжение прежних подходов к ограничению и сокра-

щению СЯС не представляется возможным ввиду стирания грани между стратегическими и нестратегическими ядерными средствами при том, что последние были выведены из ограничительных режимов и сопоставимости потенциалов по ним между Россией, США и Китаем не существует. И США и Россия и Китай, с одной стороны, делают все больший упор в своей ядерной политики на нестратегические ядерные силы, но, с другой стороны, и Москва и Пекин и Вашингтон с большой вероятностью воспримут применение против себя нестратегического ядерного оружия как стратегический ядерный удар и ответят стратегическим же ударом. Попытки же отказаться от разграничения СЯС и тактического ядерного оружия (ТЯО) и ограничивать их вместе тоже вряд ли реализуемы в силу принципиально разных потенциалов и роли, которые нестратегические ядерные силы играют для США, России и Китая, не говоря уже о других ядерных государствах.

2.2.6. Все приобретшие стратегические свойства неядерные средства и вооружения характеризуются полным отсутствием не только каких-либо ограничительных режимов, но даже разделяемых большинством держав правил игры. При этом создать какие-либо ограничительные режимы для них или воссоздать те из них, что были раньше (ПРО, РСМД) не представляется возможным. Неограниченное наращивание и совершенствование данных вооружений повышает необходимость укрепления ядерного сдерживания и не только обесмысливает дальнейшие попытки ограничить и сократить СЯС, но делает их откровенно опасными.

2.2.7. Технологиями, представляющими наибольший вызов для традиционного понимания стратегической стабильности и системы ограничения ядерных вооружений, являются киберсредства, вооружения, размещаемые в космосе, высокоточные средства в неядерном оснащении и новейшие – прежде всего гиперзвуковые – стратегические носители. Остается также фактор ПРО, возвращение к запретительному или хотя бы ограничительному режиму по которой пока не представляется вероятным.

2.2.8. Высокоточные неядерные вооружения приобретают стратегические свойства ввиду своей потенциальной способности наносить контрсиловой удар (например, поражая ракетные шахты, аэродромы со стратегической авиацией и даже потенциально мобильные пусковые установки МБР). На этот счет есть разные оценки. Уже в 2013 г. будучи заместителем Председателя Правительства России Д.О. Рогозин заявил, что удар высокоточными неядерными вооружениями может вывести из строя 90% российских СЯС.³ Экспертные оценки подобной способности несколько

---

³ Текст выступления Дмитрия Рогозина на пресс-конференции. — Российская газета. — 28 июня 2013 года // <https://rg.ru/2013/06/28/doklad.html>

скромнее⁴, однако все соглашаются с тем, что контрсилового удар с применением высокоточных неядерных средств способен нанести значительный урон СЯС и спровоцировать ответно-встречный и ответный ядерный удар.

2.2.9. В США концепция стратегического контрсилового неядерного удара была официально взята на вооружение и воплотилась в программе Prompt Global Strike, предполагающей нанесение высокоточных неядерных ударов межконтинентальными, в том числе гиперзвуковыми, ракетами. Хотя на данный момент этот потенциал не создан, программа остается актуальной. Развитие данных систем в совокупности с совершенствованием систем ПРО, призванных обезвредить не уничтоженные контрсиловым неядерным ударом «остатки» СЯС противника, лишает дальнейшее ограничение и сокращение СЯС, а также фокус на предотвращение первого ядерного удара, смысла.

2.2.10. Единого мнения о том, являются ли новейшие стратегические системы в ядерном оснащении, прежде всего гиперзвуковые и ракетные планирующие, подобные продемонстрированным Президентом России в 2018 г., стабилизирующим или дестабилизирующим фактором, на ситанализе не выявилось. При этом эксперты согласились, что большая их часть, во-первых, не подпадают под остающиеся пока ограничительные соглашения (ДСНВ-3) и, во-вторых, не могут быть сравнимы с традиционными стратегическими носителями. Соответственно, при их развитии и развертывании невозможно рассчитать необходимый для классических ограничительных режимов стратегический баланс и определить соответствующие потолки ограничения.

2.2.11. Главным риском, который гиперзвуковые и ракетные планирующие вооружения представляют для стратегической стабильности, является, по мнению экспертов, их невидимость для радаров. Соответственно, единственной информацией о характере атаки, траектории полета и вероятном месте приземления будут данные со спутников. Проверить информацию с земли и тем более рассчитать вероятную цель атаки будет невозможно. Это, в свою очередь, будет толкать к ответно-встречному удару сразу после получения сигнала со спутников, повышая тем самым опасность ядерной войны по ошибке. Во-первых, как указали эксперты, спутники регулярно дают ложные сигналы. Во-вторых, целью атаки может быть вовсе не страна, которая будет провоцироваться на ответно-встречный удар.

---

⁴ См. Алексей Арбатов, Владимир Дворкин, Петр Топычканов. Переплетение обычных и ядерных вооружений как новая угроза безопасности: российская точка зрения // Невидимая угроза: российские и китайские эксперты о рисках непреднамеренной эскалации конфликта. Москва, 2018. <https://carnegieendowment.org/2018/04/19/ru-pub-76126>; James M. Acton. Эскалация из-за переплетения: как уязвимость систем командования и управления повышает риск непреднамеренной ядерной войны. Московский центр Карнеги, 2019; Christopher Ford. Conventional 'Replacement' of Nuclear Weapons? Hudson Institute. URL: <https://www.hudson.org/research/9068-conventional-replacement-of-nuclear-weapons->

2.2.12. Уже существующие возможности ИКТ, по мнению экспертов, позволяют, во-первых, наносить государствам критический ущерб, блокируя работу таких элементов критической инфраструктуры, как энергетика, водоснабжение, транспорт, медицина, парализуя коммуникации и работу государственных институтов и производя техногенные катастрофы, сопоставимые по своим разрушительным последствиям с ядерными взрывами. Во-вторых, уже нынешний уровень ИКТ вероятно позволяет выводить из строя спутники военного назначения, в том числе являющиеся частью систем предупреждения о ракетном нападении (СПРН), ПРО и стратегических ядерных сил в целом. Кибератака против таких спутников с высокой вероятностью будет воспринята как часть полномасштабного нападения и может спровоцировать упреждающий удар, в том числе ядерный. Вместе с тем на ситанализе не было достигнуто согласия о том, можно ли кибератакой вывести из строя систему боевого управления ядерным оружием и спровоцировать несанкционированный пуск. Большинство экспертов считают такую возможность пока недостаточной, но степень неопределенности повышается.

2.2.13. Не было достигнуто согласия и о том, могут ли ИКТ быть инструментом сдерживания, в том числе стратегического. Часть экспертов считает, что осознание угрозы нарушения работы критически важных систем государства с помощью кибератаки будет оказывать на потенциального агрессора сдерживающий эффект. В этом случае даже приблизительный расчет стратегического баланса невозможен в принципе: даже безъядерное и относительно слабое в военном отношении государство будет способно нанести гигантский ущерб ядерному агрессору с помощью «ответного киберудара». Другие эксперты считают, что для эффективного сдерживания разрушительные способности ИКТ все же пока неочевидны. При этом именно отсутствие общего понимания того, обладает ли ИКТ сдерживающим эффектом или нет, является дестабилизирующим фактором. Другим дестабилизирующим фактором представляется отсутствие общего понимания, на какие ответные действия военного характера может пойти государство, в том числе ядерное, подвергнувшееся кибератаке с нарушением его критической инфраструктуры. Отдельную опасность представляют проблемы атрибуции источника кибератаки. В любом случае приобретение ИКТ способности наносить стратегический ущерб (неважно, в первом или в ответном ударе), подрывает традиционные представления о стратегической стабильности и балансе.

2.2.14. В области милитаризации космоса наиболее дестабилизирующими технологиями по мнению экспертов являются противоспутниковые системы, способные выводить из строя СПРН и спутниковые элементы систем управления СЯС, а также системы, позволяющие с большей точностью вы-

числять координаты мобильных МБР, снижая тем самым их выживаемость и провоцируя или ответно-встречный или даже упреждающий удар. Что касается космических систем ПРО, реальность создания и развертывания которых в обозримой перспективе вызывает сомнения, они могут стать серьезным дестабилизирующим фактором для отношений США-Китай. Для России же, новейшие стратегические системы которой позволяют обходить перспективные космические системы ПРО, их появление не должно восприниматься как ослабление стратегического сдерживания.

2.2.15. Эксперты не пришли к согласию о воздействии на стратегическую стабильность искусственного интеллекта. С одной стороны, его внедрение существенно усиливает систему СПРН, повышая точность расчетов скорости и траектории ракет противника. С другой стороны, он повышает эффективность средств технической разведки, снижая тем самым выживаемость мобильных ракетных комплексов и стратегических подводных лодок, делая их более доступной мишенью для контрсилового удара, в том числе неядерными высокоточными вооружениями. В любом случае, его развитие и внедрение в военной сфере в совокупности с совершенствованием высокоточных вооружений меняет традиционные представления о стратегическом балансе и придает неядерным вооружениям еще более стратегический характер.

2.3. Факторы, ослабляющие стратегическую стабильность

2.3.1. Политические факторы

2.3.1.1. Помимо военно-технических, важнейшим фактором, повышающим риски военных столкновений между ядерными державами, является состояние политических элит и политических систем в ведущих странах Запада, включая США. Смена поколений и уход людей, являвшихся свидетелями и острейших фаз «холодной войны», и Второй мировой, гегемония Запада и отсутствие внешних контрбалансов в 1990-е – 2000-е гг., военно-техническая революция 1980-х – 1990-х гг. и появление концепции «бесконтактной войны», и, главное, 75 лет относительно мира, уменьшили страх перед войной. Большинство считает, что войны не будет, потому, что ее просто не может быть. Ослабло общественное сопротивление милитаризму, наращиванию вооружений. Возникло состояние, которое мы называем «стратегический паразитизм». Сходная ситуация, хотя и не в столь ярком варианте, существует и в России.

2.3.1.2. Традиционные элиты западных стран политически провалились, потеряли контроль над процессом формирования власти и не поддерживаются значительной частью населения своих стран. Теряет

позиции и Запад в целом, что у части элит порождает настроения отчаяния, а у части – реванша. Обострение внутривнутриполитической борьбы почти во всех ведущих странах отвлекает от внешней политики и политики безопасности и делает их заложниками, а часто и инструментами, внутренних столкновений. Почти повсеместно резко усилился поиск внешнего врага для решения внутривнутриполитических проблем и проблем внутри традиционных западных союзов. Сначала таким врагом традиционно объявили Россию. Теперь во все большей степени – Китай.

2.3.1.3. Стремительно размывается грань между военными и невоенными, в том числе политико-пропагандистскими средствами борьбы. Возникает опасная «серая зона», когда сложно определить, являются ли откровенно враждебные действия в отношении соответствующего государства (например, тяжелые экономические санкции, попытки сменить политический режим с помощью ИКТ и т.д.) войной, на которую следует отвечать военными средствами, или еще нет. **В этих условиях нынешняя интенсивность соперничества между великими державами, враждебные действия невоенного характера и резкая враждебная идеологизированная риторика создают фон для опасной эскалации любого конфликта, «черного лебедя».**

2.3.1.4. К этому же ведет и резкий всплеск враждебной риторики в отношении Китая и России, по большей части лживой, сатанизирующей и дегуманизирующей, и весьма часто напоминающей предвоенную подготовку. В этой ситуации у лидеров, даже осторожных, связываются руки. Похожая, хотя и гораздо более «мягкая», ситуация в России и Китае. Политические системы этих стран, хотя и разные, дают большую свободу действий от настроений публики – все больше антизападных и антиамериканских. Но и эти настроения уменьшают поле для взвешенных решений.

2.3.1.5. Особая проблема – падение интеллектуального и морального уровня элит многих стран. Идет антимеритократический отбор. В руководство пришли люди телевизионного поколения, склонные немедленно реагировать на новости и «картинку», и о ней более всего и заботящиеся. Они не способны к стратегическому и даже оперативному мышлению, по нарастающей безответственны. Особенно заметны эти процессы в современных демократиях. При этом на подходе «поколение айфонов», у которого эти недостатки развиты, видимо, еще сильнее.

2.3.2. Геополитические факторы

2.3.2.1. Главным геополитическим фактором, ослабляющим стратегическую стабильность, является конфронтационная политика США в

отношении России и Китая как держав, нарушивших 500-летнее военное, политическое и экономическое превосходство коллективного Запада, отказавшихся вписаться в американский миропорядок, признать их лидерство. Налицо злая контратака Вашингтона в попытке реставрировать это превосходство и вернуть казавшийся еще недавно реальным, но утраченный «конец истории». Целью конфронтационной политики США является не «делка» с Россией и Китаем, а их отказ от нынешних моделей внутренней и внешней политики и трансформация на основе американских ценностей и принятия американского лидерства. При этом пока большинство в американском истеблишменте уверено, что США смогут этого добиться – не в последнюю очередь из-за (ложных) ожиданий российско-китайского геополитического столкновения. Длительность конфронтации прогнозируется как минимум на 6-10 лет с Россией и 15-20 лет с Китаем.

2.3.2.2. Хотя в отличие от прошлой «холодной войны» военное изменение не играет в новой конфронтации самую главную роль, на фоне указанного выше состояния элит западных стран и «стратегической фривольности» их внешней и военной политики эта конфронтация повышает риски военного столкновения с дальнейшей неконтролируемой эскалацией вплоть до ядерного конфликта, а также гонки вооружений, особенно между США и Китаем.

2.3.2.3. Военные аспекты конфронтационной политики США в отношении России заключаются прежде всего в их стремлении взять ее на испуг, создав впечатление якобы грядущей неконтролируемой гонки вооружений, выиграть которую Москва в силу меньшего экономического потенциала неспособна. Это проявляется в их последовательном разрушении остающихся режимов ограничения вооружений при отказе от серьезного диалога по вопросам стратегической стабильности (и даже от использования этого термина). Расчет – на то, что Москва или ввяжется в новую гонку вооружений и надорвется, или просто испугается самой перспективы и пойдет на уступки ради возвращения США за стол переговоров.

2.3.2.4. Более серьезными рисками с точки зрения непреднамеренного военного столкновения представляются наращивание американской военной инфраструктуры, в том числе систем ПРО и беспилотников, в Восточной Европе, намерение США расширить арсенал ядерного оружия малой мощности и установить его на стратегические носители с целью нейтрализовать приписываемую Москве доктрину «ядерной эскалации ради деэскалации», возвращение к концепции ограниченной ядерной войны и рассмотрение ТЯО как применимого оружия в ходе неядерного конфликта, а также официальное провозглашение доктри-

ны упреждающих ударов в отношении российских (а также китайских и иранских) целей в качестве средства нестратегической ПРО. Данные шаги говорят о том, что США допускают возможность регионального военного конфликта с Россией (прежде всего в Европе) и предпринимают меры, чтобы не дать ей одержать в нем военную победу, при этом по возможности снижая вероятность его эскалации на стратегический уровень. Это – весьма опасная тенденция: с точки зрения России удар по ней тактическим ядерным оружием или ракетами средней дальности в неядерном оснащении будет носить стратегический характер и неизбежно приведет к ответному ядерному удару по США.

2.3.2.5. В отношении Китая военные аспекты конфронтации заключаются в приобретении Вашингтоном свободы рук в ракетно-ядерной сфере, сохранении и даже некотором наращивании военного присутствия в Восточной и Юго-Восточной Азии, стремлении консолидировать своих азиатских союзников, интенсифицировать их военное сотрудничество друг с другом, а также расширить военное сотрудничество с Индией. Если же Китай примет решение совершить скачек и достигнуть стратегического ядерного паритета с США, их позиции в Азии могут ослабнуть. Как минимум это будет означать ускорение гонки вооружений в АТР – стратегических и нестратегических, ядерных и неядерных, наступательных и оборонительных (ПРО).

2.4. Факторы, укрепляющие стратегическую стабильность

2.4.1. Одним из важнейших факторов, оказывающих стабилизирующее воздействие на международную безопасность и уменьшающих опасность войны между великими державами, в том числе ядерную, являются отношения России и КНР.

2.4.1.1. Во-первых, обе стороны уже эффективно сдерживают США на военно-политическом и политико-психологическом уровне, не допуская такую степень вседозволенности со стороны Вашингтона, что имела место в 1990-е – 2000-е годы. Хотя это и привело к возникновению острой конфронтации США с Россией и Китаем, в глобальном смысле американская политика будет становиться (и уже становится) менее опасной. Стратегическая обстановка стала за последние несколько лет более сбалансированной, а склонность США умышленно идти на действия, которые могут спровоцировать их военное столкновение с Россией и КНР, уменьшается.

2.4.1.2. Во-вторых, Россия и Китай, хоть и не являются военными союзниками и не стремятся стать таковыми, выстроили партнерство,

отличительными чертами которого являются доверие и отсутствие игры с нулевой суммой. Мирный характер их отношений основывается не на сдерживании и неотвратимости возмездия, а на заинтересованности обеих сторон в сохранении их дружественности, совпадении большинства стратегических интересов и понимании, что разрушение партнерства нанесет обеим сторонам существенный ущерб. Будучи основанными на доверии, стороны пока не нуждаются в режимах ограничения и сокращения вооружений друг друга и мерах мониторинга и верификации.

2.4.1.3. Россия (в меньшей степени из-за относительной слабости экономики) и Китай находятся в отличие от Запада на подъеме и в целом удовлетворены вектором развития мира и соотношением сил. Они – державы нового мирового статус-кво. В то время как в политике Запада отчетливо нарастают элементы ревизионизма и даже условного реваншизма за поражения последних полутора десятилетий. Впрочем, история никогда не заканчивается, и Запад может на новом уровне остановить свой упадок. Это – еще один стимул к проведению мирной политики, за которую выступают и Москва, и Пекин.

2.4.1.4. Вероятность перехода отношений России и КНР к соперничеству и вражде в обозримой перспективе представляется небольшой, в том числе по мере дальнейшего усиления Китая, включая военно-стратегическую сферу. Это само по себе создает в международных отношениях весомый компонент сотрудничества, уменьшает их конфликтность и обеспечивает стабильность по крайней мере одной из сторон «стратегического треугольника» США – Россия – Китай. В перспективе сохранение российско-китайского партнерства будет способствовать уменьшению враждебности отношений США – Россия и США-Китай. По мере того, как США будут осознавать ошибочность их ставки на столкновение Москвы и Пекина, они будут вынуждены постепенно отказываться от политики одновременного сдерживания и попыток восстановления своего глобального первенства в целом.

2.4.1.5. Наконец, партнерский и доверительный характер российско-китайских отношений создает позитивную основу для их двустороннего диалога по вопросам стратегической стабильности и выработки «золотых стандартов» или кодексов поведения в различных военных областях, следование которым будет минимизировать опасность войны между ядерными державами. Эти стандарты не должны воспроизводить режимы ограничения и сокращения вооружений и меры верификации и мониторинга их выполнения по российско-американскому образцу, так как подобные системы создаются для противников, а не для партнеров.

2.4.1.6. Вместе с тем, в случае, если Китай примет решение создать стратегические силы, сопоставимые с США и Россией, в будущем это может вызывать у Москвы опасения, усиливать и так уже существующий дисбаланс в совокупной мощи двух стран. Ситуация требует долгосрочного углубленного диалога между Пекином и Москвой по военно-стратегическим вопросам.

2.4.2. Важнейшим положительным элементом военно-стратегической обстановки является приобретение Россией новейших стратегических систем, прежде всего гиперзвуковых крылатых ракет большой дальности, гиперзвуковых ракетных планирующих комплексов и подводных беспилотников в ядерном оснащении, обеспечивающих способность гарантированно уничтожить потенциального противника в ответном и ответно-встречном ударе вне зависимости от дальнейшего развития его наступательных и оборонительных стратегических вооружений.

2.4.2.1. Правда, некоторые эксперты утверждали, что создание этих систем и опережение Россией США по гиперзвуковым и ракетным планирующим носителям ядерного оружия лишь запускает новые гонки вооружений, в конечном итоге ухудшая и военную безопасность России, и стратегическую стабильность в целом. Указывалось, что Вашингтон будет непременно стремиться ликвидировать свое отставание от РФ в этих областях и вырваться вперед, и что гораздо большие экономические возможности позволят ему относительно быстро обойти Россию количественно и качественно.

2.4.2.2. Однако данный аргумент упускает из виду то, что само наличие у России данных систем гарантирует ее способность нанести неприемлемый ущерб США вне зависимости от того, будут ли у них аналогичные системы или нет и в каком количестве. Даже если США приобретут кратное превосходство над Россией в аналогичных системах, это все равно не уменьшит способность Москвы гарантированно их уничтожить в ответном ударе, сохраняя тем самым эффективное сдерживание.

2.4.2.3. Поэтому до тех пор, пока не будут изобретены эффективные и доступные с экономической точки зрения способы нейтрализовывать подобные системы (пока они не просматриваются), гонка вооружений со стороны России теряет смысл. Любое развитие наступательных и оборонительных стратегических систем США на обозримую перспективу не уменьшит российский потенциал стратегического сдерживания. Потребности гнаться за США и поддерживать примерное равенство в уровнях СЯС или же компенсировать их количественное опережение какими-либо новыми средствами нет. Новые неядерные

и ядерные системы России упреждающе обрекают попытки втянуть Россию в гонку вооружений и измотать ее – по образцу политики Рейгана в отношении СССР – на провал. Скорее может начаться «самоизматывание». Тем самым, новейшие российские системы объективно сдерживают гонку вооружений.

2.4.3. Еще одним фактором, укрепляющим стратегическую стабильность, является нежелание как обществами, так и политическими элитами ведущих стран большой войны. «Стратегическая фривольность» в поведении США основывается на убеждении, что вне зависимости от их военных шагов большой войны между ядерными державами не будет (и именно этим она опасна). Реального милитаризма по образцу начала XX в. нет ни в США, ни в России, ни в Китае, ни, тем более, в Европе. Впрочем, вероятное нежелание рисковать развязыванием большой войны не уменьшает угрозу непреднамеренной эскалации, особенно в условиях нагнетания Западом обстановки вражды и нарастания противоречий в западных обществах, которые могут толкать к отвлекающим военным авантюрам, чреватых эскалацией. Слабо и сопротивление такой политике со стороны обществ и экспертных кругов, привыкших к миру и переставших опасаться войны – упоминавшийся «стратегический паразитизм».

2.4.3.1. Несмотря на остроту конфронтации США с Китаем и Россией, война не рассматривается как ее допустимый и тем более желательный инструмент (опять-таки, в отличие от XX века). Предпочтение отдается таким инструментам, как санкции, торговые войны, информационная война, политико-дипломатическое и виртуально-психологическое давление, угроза (в случае с Россией) и реальная (в случае с Китаем) гонка вооружений, а также «стратегическое терпение» в ожидании добровольного отказа оппонента от конфронтационной политики и/или его трансформации. Некоторые из этих инструментов могут спровоцировать военное столкновение «по ошибке», но желания большой войны определенно не просматривается. Эксперты также отметили ослабление позиций ВПК в политике и экономике США по сравнению с периодом «холодной войны», что тоже снижает предпосылки гонки вооружений.

2.4.3.2. Со стороны России также ослабли факторы, которые могли бы побудить ее рискнуть военным столкновением с США и НАТО: расширение последней на страны бывшего СССР помимо Прибалтики пока остановлены решительными действиями по Крыму и Донбассу. Перспективы вступления в НАТО Украины или Грузии, судя по всему, сняты с повестки дня или отложены в долгий ящик. Жесткие действия Москвы последних десяти лет в целом остановили общую экспансию Запада, снижая тем самым опасность большой войны с Россией.

2.4.4. Стабилизирующим фактором представляется диверсификация возможностей асимметричного сдерживания благодаря разрушению ограничительных режимов, усилению в этой связи «стратегической двусмысленности» и увеличению количества технологий, позволяющих осуществлять неядерное сдерживание. Выгоду от этого получают более слабые в военном и экономическом отношении государства, приобретающие возможность сдерживать гораздо более сильных без значительного наращивания ядерного потенциала, а также с помощью неядерного и асимметричного сдерживания, скрывая свои реальные возможности и намерения.

2.4.4.1 Единой точки зрения по этому вопросу достигнуто не было, и сторонники традиционного понимания стратегической стабильности и ограничения вооружений считают, что более слабые государства, наоборот, нуждаются в сильных ограничительных режимах, чтобы предотвратить получение более сильными стратегического превосходства и ослабление сдерживания.

2.4.4.2. Скептики же как в отношении возможности, так и желательности возобновления какого-либо процесса ограничения вооружений на прежних рельсах, утверждали, что снятие с политической повестки дня ограничительных лимитов для ядерных вооружений позволяет сторонам концентрироваться на укреплении сдерживающего потенциала гарантированного возмездия теми способами, которые представляются им наиболее оптимальными, а не на поддержании количественной сопоставимости единиц ядерного оружия. В результате слабеют стимулы гонки ядерных вооружений, а сохранение эффективного ядерного сдерживания ограничивает и гонку обычных вооружений – делает политизацию и инструментализацию неядерного превосходства невозможным. В этом уже убедились США, вложившие в 1980-е – 2000-е гг. гигантские средства в неядерные вооружения в погоне за сохранением общего военного превосходства, но получившие обратный результат – ослабление глобальных позиций. Деньги были по существу «пущены на ветер».

2.4.4.3. Наглядным подтверждением того, как неучастие в ограничительных режимах и отсутствие транспарентности приносит выгоду более слабой стороне, выступает Китай. Несмотря на сохраняющееся пока военно-стратегическое превосходство США, отсутствие точных данных о возможностях Китая в ядерной сфере и о его ядерной доктрине оказывает на американскую политику сдерживающий эффект. В результате Пекин приобретает возможность развивать свои СЯС и вооруженные силы в целом так, как считает для себя наиболее оптимальным, не участвуя в гонке вооружений и не тратя большие средства в погоне за количественными показателями. Даже если Пекин в итоге выйдет на со-

поставимый с США и Россией уровень СЯС, он сделает это по собственной воле и руководствуясь прежде всего политическими факторами и соображениями престижа, а не в результате гонки вооружений.

2.4.4.4. Не менее наглядной иллюстрацией асимметричного сдерживания представляется позитивное влияние уже произошедшего распространения ядерного оружия на отношения между ядерными странами – как новых с традиционными, так и новых между собой. Даже не подтвержденное пока подозрение в способности КНДР донести ядерное оружие до континентальной части США заставило последних резко изменить политику – отказаться от милитаристской риторики и пойти на уважительный двусторонний диалог с несопоставимо более слабой стороной, что казалось до сей поры немислимым. То есть даже подозрение в способности донести хотя бы одну ядерную боеголовку до континентальных США и нанести удар по союзникам оказывает сдерживающий эффект, – и это при наличии развернутой на Аляске системы стратегической ПРО США. Ядерное сдерживание пока работает в отношениях Индии и Пакистана. С появлением у Исламабада ядерного оружия череда крупных войн между ними завершилась, и в случае военных столкновений обе стороны стремятся не допустить их эскалацию.

2.5. Вывод: оценка нынешнего состояния и перспектив стратегической стабильности

2.5.1. Анализ геополитических и технологических изменений военно-стратегической обстановки, негативных и позитивных факторов показывает, что в целом военно-стратегическая ситуация приближается к критической. С одной стороны, угроза преднамеренной войны, особенно ядерной, между ядерными державами низка. Несмотря на конфронтацию США с Россией и Китаем, никто из них не рассматривает войну как способ реализовать свои цели друг в отношении друга. Усиливается сдерживание в отношении США со стороны не только России и КНР, но и крошечной Северной Кореи, а также неядерных стран, способных нанести им тяжелый ущерб неядерными средствами. С другой стороны, **совокупность военно-технических и политических факторов – нагнетаемая США конфронтация, состояние элит в ряде ведущих стран, разрушение режимов ограничения вооружений и связанных с ними мер доверия – объективно усиливает вероятность развязывания непреднамеренной ядерной войны.**

2.5.2. Разрушение традиционной системы ограничения вооружений, хотя и производится с подачи США в контексте их конфронтационной политики в отношении Китая и России, представляется с учетом рассмотренных выше

геополитических и технологических изменений стратегического ландшафта неизбежным. Более того, оно приносит определенные преимущества, усиливая возможности асимметричного сдерживания со стороны более слабых государств. Восстановление глобального баланса уже не позволяет США проводить столь разрушительную политику, как в 1990-е и 2000-е годы.

2.5.3. Новые военные технологии оказывают в части гонки вооружений и угрозы ядерной войны как стабилизирующий, так и дестабилизирующий эффект. Последний проистекает не столько от самих этих вооружений или отсутствия по ним количественных ограничений, сколько от отсутствия правил поведения, остроты навязываемой США политической конфронтации и увеличения возможности военного конфликта между великими державами и его эскалации на ядерный уровень. Новые вооружения делают эскалацию гораздо более вероятной, чем вооружения, существовавшие в годы «холодной войны».

2.5.4. «Ядерная многополярность» тоже не означает сама по себе автоматическое повышение рисков ядерной войны и множественных гонок вооружений. Тем более, одним из ее аспектов является доверительное партнерство России и КНР. Более того, в силу больших различий стратегических (в том числе неядерных) потенциалов разных полюсов исчезает смысл гонки вооружений и попыток сохранить сопоставимые количественные величины похожих видов и типов СЯС. Угроза же ядерной войны в многополярном контексте – так же, как и в биполярном – зависит от уверенности сторон в неотвратимости неприемлемого для них возмездия.

2.5.5. Военная безопасность России и стабильность ее отношений с США и Китаем обеспечена на десятилетие – два вперед. С КНР они основываются на партнерстве и доверии, в сохранении которого заинтересованы обе стороны, и незримо подкрепляются ядерными потенциалами двух стран («хорошие заборы делают хороших соседей»). С США – на приобретении Россией новейших систем стратегических вооружений (гиперзвуковые крылатые ракеты большой дальности, гиперзвуковые ракетные планирующие комплексы, подводные беспилотники в ядерном оснащении), обеспечивающих сохранение способности России нанести США неприемлемый ущерб в ответном и ответно-встречном ударах вне зависимости от развития американских военно-стратегических систем. В результате вероятность новой гонки стратегических вооружений (как наступательных, так и оборонительных, как ядерных, так и неядерных) между Россией и США со стороны России минимизирована. Если, разумеется, не будет повторяться политика СССР, который позволил себя втянуть, а подчас даже лидировал, в гонке вооружений, тратя на нее трудно воображаемые средства, что способствовало ослаблению, а затем и коллапсу страны, несмотря на ее военное могущество.

2.5.6. В тоже время, было бы ошибочным считать новое состояние военно-стратегического ландшафта стабильным. Главную опасность представляет возможность **военного конфликта между ядерными державами, в том числе непреднамеренного и неядерного, с дальнейшей, более вероятной, чем в прошлом, эскалацией на уровень глобальной ядерной войны.** Предпосылок для подобного конфликта и ситуаций, из-за которых он мог бы произойти, за последнее время стало значительно больше. В частности, подобный конфликт может стать результатом:

- кибератаки против спутников СПРН и критической инфраструктуры, в том числе со стороны третьих стран и негосударственных игроков;
- технической ошибки СПРН;
- опасных просчетов и ошибок в интерпретации США ядерных доктрин России и Китая и наоборот, способных спровоцировать ядерную войну (например, высказываются ошибочные предположения, что Россия не нанесет стратегический ядерный удар по США в случае неядерного ракетного нападения на Россию или применения против нее нестратегического ядерного оружия; или же что Россия пойдет на применение нестратегического ядерного оружия, как только начнет проигрывать в неядерной войне на чужой территории, и что это следует компенсировать нестратегическими же ядерными вооружениями США на мобильных носителях);
- выхода из-под контроля региональной напряженности и применения военной силы на локальном и региональном уровне с использованием неядерных вооружений (Балтийское, Черное и Южно-Китайское море; американские эксперты наиболее вероятным сценарием войны между Россией и США с ядерной эскалацией считают военный конфликт между Россией и странами Балтии);
- столкновения военных морских и воздушных судов вследствие опасных сближений;
- случайного или преднамеренного локального военного столкновения в региональных конфликтах (Венесуэла, Сирия).
- выхода из-под контроля военной ситуации в Европе в случае размещения американских ракет средней и меньшей дальности в Центральной и Восточной Европе и ядерного оружия малой мощности на стратегических носителях вблизи российских границ; аналогичное развитие ситуации в Азии;
- втягивания ядерных держав в военные конфликты в непосредственной близости от их границ (США и Китай вокруг Северной Кореи, Россия и США вокруг Украины).

2.5.7. Повторим: в силу все большего переплетения ядерных и неядерных, стратегических и нестратегических вооружений предотвратить перерастание неядерного военного конфликта Россия-США и Китай-США в глобальную ядерную войну будет все сложнее. Эти же факторы еще более сокращают шансы – и раньше призрачные – на ограничение ядерной войны «тактическим» или локальным уровнем.

3. Новое понимание стратегической стабильности

3.1. Определение многосторонней стратегической стабильности

3.1.1. Анализ изменения военно-стратегического ландшафта показывает, во-первых, что прежнее понимание стратегической стабильности как состояния двусторонних отношений России и США и соотношения их стратегических потенциалов устарело. Природа стратегической стабильности носит многосторонний характер – с участием третьих ядерных стран. Во-вторых, устарело понимание стратегической стабильности как предотвращение ядерной войны и первого ядерного удара. Неядерный конфликт по степени разрушительности может быть сопоставим с ядерным, а также с более высокой степенью вероятности, чем прежде, спровоцировать применение ядерного оружия. В-третьих, неуместным представляется определение стратегической стабильности как «отсутствие стимулов» ядерных держав нанести друг по другу первый ядерный удар: намерения совершить неожиданное и тем более ядерное военное нападение друг против друга видимо нет даже несмотря на острый характер конфронтации США с Россией и Китаем, и в обозримой перспективе оно вряд ли появится.

3.1.2. **В новых военно-стратегических условиях стратегическая стабильность должна характеризовать способность ядерных держав управлять отношениями друг с другом и не допускать любых прямых военных столкновений, в том числе неядерных и непреднамеренных.** В этой связи *укрепление стратегической стабильности требует мер и решений не только и не столько военного, сколько политического и международно-политического характера, включая снижение накала конфронтации между ядерными державами и восстановление почти полностью исчезнувшего на сегодняшний день доверия.*

3.1.3. **Столь фундаментальное изменение природы стратегической стабильности создает потребность ввести в оборот новый термин – многосторонняя стратегическая стабильность» и дать ему новое – адекватное новому военно-стратегическому ландшафту – определение.**

3.1.4. Консенсуса в данном вопросе на ситанализе не выявилось. Приверженцы традиционного подхода предлагали сохранить первоначальную основу классического определения – отсутствие стимулов для нанесения первого ядерного удара, распространить ее на третьи ядерные страны, прежде всего Китай, возможно, несколько ослабив упор на первый ядерный удар. Как результат, ими предлагается понимать стратегическую стабильность как отсутствие стимулов для ядерной войны между ядерными державами, способность ядерных держав не допустить и предотвратить таковую. С этой точки зрения неядерная война между ядерными державами, если она не ведет к применению ядерного оружия (например, в силу самоограничения участников), не является нарушением стратегической стабильности. Этот подход представляется некорректным в силу своей нереализуемости: механизмов, гарантирующих неприменение ядерного оружия в случае возникновения и эскалации неядерного военного конфликта между ядерными державами, не существует. Напротив, новые военные технологии и эволюция ядерных доктрин США и России создают гораздо большие, чем раньше, стимулы для его применения именно в ходе неядерного конфликта, а не с самого начала.

3.1.5. В этой связи **предлагается следующее определение «многосторонней стратегической стабильности» (МСС): *такое состояние отношений между ядерными державами, при котором они способны не допустить любое военное столкновение друг с другом – как намеренное, так и непреднамеренное, поскольку всякое такое столкновение способно перерасти в глобальную ядерную войну.*** Это состояние определяется качеством политических и военно-политических отношений ядерных держав друг с другом, состоянием их стратегических потенциалов и способностью гарантированно нанести непоправимый ущерб в ответном ударе, состоянием их политических элит, качеством коммуникаций между военными и политическими элитами ядерных держав, состоянием международной обстановки, а также другими факторами, определяющими уровень угрозы возникновения войны между ядерными державами.

3.2. Старые и новые факторы стратегической стабильности

3.2.1. В основе многосторонней стратегической стабильности, как и в основе прежней стратегической стабильности, лежит сдерживание, которое, в свою очередь, основывается на осознании потенциальным агрессором неотвратимого возмездия и гарантированной способности сторон нанести друг другу неприемлемый ущерб в ответном ударе. Именно сдерживание в гораздо большей степени, чем что-либо иное (международное право, институты и т.д.) способно удержать не являющиеся союзниками ядерные державы от преднамеренного военного столкновения друг с другом, не говоря уже о

ядерном нападении. В этом смысле нынешнее состояние российско-китайских отношений, где сдерживание не является первоосновой партнерства, – большое достижение.

3.2.2. Однако способы обеспечения сдерживания и предотвращения любых, в том числе неядерных, военных столкновений ядерных держав друг с другом в новом военно-стратегическом ландшафте должны быть иными. Упор на ограничение и сокращение ядерных вооружений и поддержание примерного равенства СЯС уже не работает: он лишен смысла с военно-стратегической точки зрения, невозможен по проанализированным в предыдущих разделах объективным причинам.

3.2.3. В новых условиях упор должен делаться на укреплении каналов коммуникации между военными, выстраивании двусторонних и многосторонних диалогов по вопросам стратегической стабильности, состоянии стратегических вооружений и ядерных доктрин, создании многосторонних и двусторонних режимов транспарентности и предсказуемости без обязательств по ограничению вооружений, выработке правил поведения в военной сфере в наиболее опасных с точки зрения риска военных столкновений областях – ИКТ, космос и участие в региональных конфликтах, а также укреплении политического диалога между ядерными державами в целом, снижении накала конфронтационных отношений между ними. Отдельное внимание следует уделить укреплению доверительного военно-стратегического диалога России и Китая – не с целью ограничить российский или китайский стратегический потенциал, а с тем, чтобы еще более укрепить доверие и ослабить риски возможной эскалации гонки вооружений в АТР. Более подробные рекомендации по укреплению многосторонней стратегической стабильности в новых условиях представлены в Разделе 4.

4. Пути укрепления многосторонней стратегической стабильности

4.1. Воздерживаться от новых соглашений по ограничению и сокращению ядерных вооружений и переговоров по ним

4.1.1. Главными задачами системы соглашений и режимов по ограничению и сокращению стратегических вооружений в прежнем военно-стратегическом контексте были предотвращение ядерной войны и ограничение гонки ядерных же вооружений, экономия ресурсов. В новом контексте эти задачи недостаточны – предотвращать необходимо не только ядерные, но любые войны между ядерными державами, и ограничивать надо гонку не только ядерных вооружений, но и неядерных стратегических вооружений тоже. Решение же этих задач с помощью режимов ограничения и сокращения ядерных вооружений, предполагающих примерное равенство стратегических потенциалов сторон, видимо, невозможно. Более того, дальнейшие попытки решить эти задачи с помощью новых переговоров и соглашений по ограничению вооружений, скорее всего, дадут обратный эффект: новые режимы выработаны не будут, взаимная подозрительность усилится, а провал переговоров лишь усугубит враждебность и соперничество великих держав.

4.1.2. В этой связи целесообразно рассматривать распад двусторонних российско-американских и, возможно, многосторонних (ДВЗЯИ, ДНЯО) соглашений по ограничению ядерных вооружений не как конец света, а как нормальное, пусть и негативное, развитие в условиях фундаментального изменения военно-стратегического контекста, которое надо принять и пойти дальше. Применить традиционный подход к новому контексту и пытаться выработать новые соглашения об ограничении вооружений не только невозможно, но и, вероятно, контрпродуктивно.

4.1.3. Во-первых, традиционные ограничительные соглашения пока крайне маловероятно сделать многосторонними или хотя бы трехсторонними, распространив, например, ДСНВ-3 и РСМД на Китай. Попытки этого лишь

внесут искусственное напряжение в отношения Москвы и Пекина, усилят конфронтацию США с Россией и КНР и ускорят гибель ДСНВ-3.

4.1.4. В равной степени бессмысленно пытаться продолжать двусторонний российско-американский процесс сокращения СЯС в условиях, когда фактор третьих ядерных стран и неядерных стратегических вооружений оказывает на военную политику и ядерную доктрину Москвы и Вашингтона все большее воздействие. И даже безотносительно третьих ядерных стран подходы и приоритеты России и США к ограничению ядерных вооружений настолько различны, что прийти к какому-то общему знаменателю будет скорее всего запретительно трудным. США будут стремиться ограничить новейшие российские стратегические системы, не подпадающие под лимиты ДСНВ-3, и ее нестратегическое ядерное оружие; Россия – систему ПРО США, их военно-космические программы и высокоточные неядерные вооружения. Как результат, начав переговоры, стороны только усилят взаимную враждебность и недоверие. Некоторые преимущества получают США, обладающие пока большими возможностями в информационно-пропагандистской сфере.

4.1.5. Во-вторых, в силу стирания грани между ядерными и стратегическими неядерными, ядерными стратегическими и нестратегическими вооружениями, невозможно их строгое разграничение и выделение в отдельные группы тех видов и типов вооружений, которые подлежат ограничению и сокращению и тех, которые не подлежат. Продолжение процесса сокращения СЯС в условиях диверсификации средств нанесения стратегического ущерба потребует включать в переговорные «корзины» сразу все, – что не представляется практически выполнимым.

4.1.6. В-третьих, в силу многообразия стратегических ядерных и неядерных, стратегических и нестратегических вооружений, в том числе новейших систем, невозможно рассчитать военно-стратегический баланс и соблюсти один из главных принципов традиционных соглашений – обеспечить приблизительное равенство или сопоставимость аналогичных систем вооружений. (Если «паритет» был когда-то и пригоден для этого).

4.1.7. В-четвертых, в нынешней стратегической обстановке приблизительное количественное равенство аналогичных стратегических систем вооружений уже не требуется для обеспечения надежного сдерживания.

4.1.8. В этой связи нецелесообразным представляется инициировать новые переговоры с США об ограничении вооружений или соглашаться на (видимо чисто пропагандистскую) инициативу администрации Трампа о трехсторонних переговорах с Китаем по сокращению и ограничению ядерного оружия. Эти переговоры закончатся провалом и дадут США оправдание для отказа от продления ДСНВ-3. Впрочем, КНР пока на такие переговоры все равно не пойдет. Возможно в этой связи стоит уступить инициативу по

отказу Пекину. Он тоже не раз рассчитывал на российское вето, воздерживаясь от его применения на голосованиях в СБ ООН.

4.1.9. Вместе с тем, полный вакуум режимов и правил взаимодействия в стратегической сфере опасен. Хотя отсутствие транспарентности и может дать более слабой стороне преимущество, внушая более сильной стороне опасения за последствия применения силы, связанные с этим риском представляются более серьезными. А именно, усиление напряженности и повышение угрозы непреднамеренного военного столкновения.

4.1.10. Отсутствие достоверной информации о том, какими стратегическими системами обладают потенциальные противники и какова их военная, в том числе ядерная, доктрина, будет побуждать стороны, не обладающие такими стратегическими системами, как те, что были продемонстрированы Россией в 2018 г., исходить из наихудшего сценария и подозревать других в постоянном стремлении добиться таких военных возможностей, которые позволили бы им победить в войне, в том числе ядерной, не понеся при этом неприемлемого ущерба. Это, в свою очередь, усиливало бы гонку вооружений – даже если бы она была бессмысленной с военной точки зрения, а также напряженность в отношениях. Кроме того, в отсутствие транспарентности и прочных каналов коммуникации, особенно в ситуации кризиса или обострения напряженности, стороны могут интерпретировать необычные передвижения стратегических военных систем друг друга, военные учения с использованием стратегических, в том числе ядерных, вооружений, кибероперации или ошибочные сигналы о нападении как начало реального полномасштабного военного нападения.

4.2. Воздерживаться и от сокращения, и от гонки вооружений

4.2.1. Главное средство предотвращения преднамеренной войны (как ядерной, так и неядерной) между ядерными державами – ядерное сдерживание, которое предполагает сохранение гарантированной способности нанести агрессору неприемлемый ущерб в ответном ядерном ударе. Это, в свою очередь, требует сохранения зримого и мощного с военной и политической точки зрения ядерного арсенала. Его сокращение – как в одностороннем, так и в дву- и многосторонних форматах – в нынешней военно-стратегической обстановке, видимо, контрпродуктивно. После действий США против Ирака и Ливии, не имевших ядерного оружия или отказавшихся от программ его производства, выхода Вашингтона из ДПРО, ДРСМД, иранской ядерной сделки, аргумент, что сокращение ядерных потенциалов – условие сохранения ДНЯО, не работает, если работал когда-нибудь. При этом в отсутствие прежних режимов ограничения вооружений и транспарентности целесообразно не только сохранение надежного потенциала сдерживания,

но и его добровольная демонстрация даже в одностороннем порядке и выборочное ознакомление других стран с его возможностями. Они будут оказывать сдерживающий эффект и укреплять стратегическую стабильность.

4.2.2. Отказ от традиционных соглашений о сокращении вооружений не обязательно ведет к их гонке. Она имеет во многом политико-психологические и экономические (роль ВПК) корни и происходит тогда, когда или одна сторона пытается нейтрализовать сдерживающий потенциал другой и хочет добиться / сохранить стратегическое превосходство, или когда вторая сторона подозревает в этом первую, или и то и другое одновременно. Для России эта проблема снята на ближайшие лет десять-пятнадцать: нейтрализовать ее потенциал гибкого гарантированного возмездия в обозримой перспективе, видимо, невозможно при любом уровне развития стратегических систем США. Для Китая решением может стать стратегический диалог с Россией и с США, который продемонстрирует, что даже в отсутствие систем, аналогичных российским, он все равно сможет сохранить способность нанести США неприемлемый ущерб в ответном ударе, несмотря на сохраняющуюся пока несопоставимость их СЯС.

4.3. От ограничения вооружений – к каналам связи и кодексам поведения

4.3.1. Важнейшим средством предотвращения непреднамеренной войны и ограничения гонки вооружений между ядерными державами в нынешней военно-стратегической обстановке и без соглашений об ограничении и сокращении вооружений представляется создание и / или укрепление между ними:

- каналов связи и коммуникаций по военной линии, которые работали бы в постоянном режиме как механизм деэскалации в условиях кризиса и других чувствительных ситуациях (например, кибератаки, столкновения в воздухе и на море, военные учения с имитацией применения ядерного оружия и высокоточных неядерных вооружений, появление последних вблизи границ, изменение статуса боеготовности СЯС и так далее);
- постоянного диалога России и США по военной линии по вопросам стратегической стабильности в дополнение к диалогу на уровне МИД, снятие американских законодательных ограничений на проведение данного диалога;
- диалога между военными, аппаратами национальной безопасности и внешнеполитическими ведомствами, которые служили бы инструментом взаимного информирования в постоянном режиме о состоя-

нии СЯС, других стратегических средств, о ядерных доктринах и целях военной политики в целом;

- укрепление российского и американского Национальных центров по уменьшению ядерной опасности в рамках Министерства обороны России и Министерства обороны США, укрепление диалога между ними;
- мер транспарентности и предсказуемости военно-стратегической сфере в целом, которые могут включать в себя добровольное приглашение инспекций и наблюдателей со стороны других стран, проведение регулярных брифингов о тактико-технических характеристиках ядерных и стратегических неядерных вооружений, целях проведения военных учений, регулярные консультации и брифинги о ядерных доктринах и военных доктринах вообще. Некоторые меры транспарентности и предсказуемости можно заимствовать из российско-американских соглашений об ограничении вооружений. При этом режимы транспарентности должны касаться не только ядерного оружия, но военной политики ядерных держав в целом, минимизируя тем самым шансы на военные столкновения между ними в результате ошибки или просчета.

Целесообразно возвращение к практике интенсивных, в том числе неправительственных обсуждений стратегической ситуации с тем, чтобы укреплять доверие, множить каналы коммуникаций, вырабатывать новую общую стратегическую культуру, создавать группы элит, заинтересованных в таком диалоге и соответственно в нормальных политических отношениях. Такие диалоги, триалоги и совместные исследования могут со временем помочь находить новые пути ограничения гонки вооружений и уменьшения угрозы войны. Россия должна играть интегрирующую роль в таких консультациях, предлагая свою повестку дня. В годы прошлой холодной войны такая экспертная сеть сыграла во многом позитивную роль в части понижения уровня и интенсивности противоречий. Но она в основном работала по американским сценариям и наработкам.

4.3.2. Официальные каналы коммуникации и меры транспарентности и предсказуемости следует создавать, во-первых, между Россией и США уже до прекращения действия ДСНВ-3. Соответственно, переговоры об их создании следует начинать уже сейчас. Как вариант, можно договориться об оформлении прописанных в ДСНВ-3 мерах транспарентности по СЯС в виде отдельного соглашения, распространяя их в том числе на те новейшие американские и российские стратегические системы, которые подпадают под определение СЯС, но сегодня этим договором не покрываются. Также следует стремиться к созданию мер транспарентности по неядерным стратегическим вооружениям.

4.3.3. Во-вторых, целесообразно развивать механизмы коммуникации и прозрачности между США и Китаем. Они, опять-таки, должны касаться как СЯС, ядерного оружия на нестратегических носителях, так и военной политики в неядерной сфере, включая меры предотвращения военного столкновения США и Китая в Южно-Китайском море.

4.3.4. В-третьих, следует укреплять каналы оперативной коммуникации с Китаем – для взаимного информирования и координации действий в условиях кризисов или обострения ситуации с третьими странами. Также целесообразно постепенно и на взаимной основе укреплять режим прозрачности российских и китайских ядерных арсеналов и стратегических неядерных сил, военных доктрин. Следует, видимо, стремиться к созданию режима де-факто союзнических отношений в военно-стратегической сфере без формальных обязательств по защите друг друга в случае нападения третьей стороны. Но последняя должна понимать, что такие действия возможны и вероятны. Подобного рода отношения будут серьезно укреплять сдерживание и ослаблять побудительные мотивы к проведению агрессивной и милитаризированной политики.

4.3.5. В-четвертых, имеет смысл создавать и укреплять каналы коммуникации между военными и меры прозрачности между Россией и европейскими странами, а также отдельно между Россией и НАТО, ориентируя на это Совет Россия-НАТО, с целью предотвращения любых военных столкновений в Балтийском, Черном море и в Европе в целом. При этом мы подтверждаем позицию о вредности политического диалога с НАТО – союзом, запятнавшем себя агрессиями и дестабилизировавшим Европу политикой расширения.

4.3.6. Подобные каналы коммуникации и меры прозрачности могут носить как неформальный и добровольный, так и формализованный характер – в зависимости от предпочтений их участников. Главное – уровень предсказуемости и быстрота оперативного реагирования, которые они будут создавать.

4.3.7. Второй приоритет в части предотвращения непреднамеренной войны – выработка правил поведения в наиболее опасных с точки зрения эскалации военного конфликта областях – ИКТ, космос, вооружения, пригодные для внезапного контрсилового удара, и региональные конфликты. **Опасность непреднамеренной войны определяется не столько ограничениями вооружений и вооруженных сил или отсутствием этих ограничений, сколько поведением государств, особенно в тех областях, где существует «серая зона» между стратегическими и нестратегическими, военными и невоенными (гибридными) действиями и которые не подпадают и никогда не подпадали под какие-либо количественные ограничения.**

4.3.8. В этой связи целесообразно, видимо, стремиться к созданию многосторонних режимов и кодексов поведения государств в указанных областях, участниками которых были бы прежде всего Россия, Китай и США, но с подключением затем всех ядерных государств, государств, обладающих неядерными стратегическими возможностями, и государств, находящихся с ними в союзнических отношениях. При этом стоит, вероятно, ориентироваться на идеологию Венского документа ОБСЕ 2011 года о мерах укрепления доверия и безопасности.

4.3.9. Выработка таких кодексов может производиться по-разному: или сразу в многостороннем формате, начиная с триалога Россия – Китай – США, или в двустороннем формате Россия – Китай или Россия – США, или даже выдвигая односторонние инициативы с предложением всем заинтересованным сторонам присоединиться или вступить в переговоры. При этом целесообразно по максимуму использовать ресурсы экспертного сообщества и диалогов второго и полуторного треков. Так же, как и меры транспарентности, данные режимы и кодексы поведения могут оформляться или в виде юридически обязывающих соглашений, или в виде политических деклараций.

4.3.10. Правила поведения в области кибербезопасности и кибервооружений могут включать в себя: отказ от проведения зловредной кибердеятельности в отношении спутников, вовлеченных в СПРН и системы правительственной связи; разработку списка критической инфраструктуры, кибератаки против которой недопустимы; отказ от кибератак на систему СЯС во всем ее многообразии; выработку регламентов поведения в условиях, когда государство подвергается кибератаке со стратегическими последствиями, в том числе о немедленной связи и переговорах с другими ядерными державами, проведении совместных расследований по атрибуции источника кибератаки; проведение постоянных консультаций по вопросам кибербезопасности в двусторонних форматах, трехстороннем формате Россия – Китай – США и в многосторонних форматах с участием всех ядерных стран. На национальном уровне России стоило бы, вероятно, принять официальную стратегию в области военных аспектов ИКТ, в которой были бы прописаны шаги, которые Россия намерена предпринять в случае кибератаки военного и тем более военно-стратегического характера.

4.3.11. Правила военного поведения в космосе могут включать в себя: отказ от нападения на спутники СПРН и группировки аппаратов высокозащищенной космической связи; запрет на космические испытания с физическим разрушением космических аппаратов и образованием космического мусора; запрет на размещение в космосе оружия, направленного на уничтожение целей на земле; формирование в космосе системы управления, аналогичной той, что существует в воздушном пространстве и касается как военных, так и гражданских объектов; правила и регламенты поведения в

кризисных ситуациях, в том числе спровоцированных третьими сторонами и техническими сбоями. Многие американские эксперты перспективным считают ограничение противоспутниковых вооружений.

4.3.12. Имеет смысл выработать правила поведения в применении и развертывании вооружений, пригодных для нанесения внезапных контрсилловых ударов, не пытаясь при этом ограничить их количественно. Это прежде всего высокоточные вооружения в неядерном оснащении, ракеты средней и меньшей дальности и тактическое ядерное оружие. Их бесконтрольное размещение и тем более наращивание вблизи территории ядерных государств может спровоцировать с их стороны упреждающий удар. В этой связи целесообразно договариваться о географических критериях относительно безопасного размещения этих вооружений (неразмещение вблизи границ), количественных ограничениях на размещение на определенном удалении от границ (не на производство в принципе), а также о мерах коммуникации и связи в условиях кризиса.

4.3.13. В перспективе целесообразно договариваться о правилах поведения в военной сфере в регионах непосредственного соприкосновения России и НАТО, России и США, Китая и США, прежде всего в Европе и в АТР. В Европе такие правила существуют – Венский документ 2011 года. В Азии подобные правила стоит выработать, используя частично и европейские наработки. Хотя далеко не все из них оказались полезными. Имеет смысл провести об этом предварительные консультации с Китаем. Данные правила должны помимо прочего включать в себя запрет на опасные сближения военных самолетов и кораблей, запреты на полеты без транспондеров, ограничение радиоэлектронной борьбы, создание каналов коммуникаций в случае нарушения воздушного пространства. России стоит поддерживать инициативы о создании механизмов безопасности в Северо-Восточной, Восточной и Юго-Восточной Азии. Сейчас некоторые из подобных идей стал выдвигать и Китай.

4.3.14. В среднесрочной перспективе следует выработать правила поведения и общие подходы к использованию в военной, особенно военно-стратегической, сфере искусственного интеллекта. Как минимум, сторонам важно представлять себе, как к решению этого вопроса подходят другие.

4.3.15. Наконец, желательно начать проработку принципов поведения ядерных держав в региональных конфликтах, минимизирующих возможность их прямого столкновения (в том числе случайного и провокационного характера, с участием нерегулярных сил и «частных военных компаний»), а также механизмов коммуникации и деэскалации в случае, если подобное столкновение произошло.

4.4. Стратегические диалоги Россия – Китай, Россия – США, Китай – США

4.4.1. Важнейшей мерой укрепления многосторонней стратегической стабильности, ограничения гонки вооружений и уменьшения враждебности в отношениях между ядерными державами на долгосрочную перспективу представляется запуск комплексных, концептуальных и не ориентированных на достижение быстрых договоренностей диалогов в рамках треугольника Россия – США – Китай по фундаментальным вопросам стратегической стабильности в целом. Они могут касаться оценки нынешней военно-стратегической ситуации в мире и перспектив ее развития, определения и философии стратегической стабильности в новых условиях, и желательных мер по ее усилению, механизмам укрепления сдерживания, доверия, предотвращения военных столкновений и ограничения гонки вооружений, ядерным доктринам и приоритетам развития Вооруженных сил.

4.4.2. Сразу начинать с триалога Россия-США-Китай, видимо, нецелесообразно: концептуальные и практические подходы сторон, даже России и КНР, пока слишком разнятся. Кроме того, подобный триалог не будет носить доверительного характера. Поэтому желательно начать подобные консультации в двусторонних форматах, постепенно выходя на триалог. Особенно важным представляется запустить доверительный диалог России и Китая по фундаментальным вопросам многосторонней стратегической стабильности с целью сближения подходов к таким вопросам, как режимы транспарентности и предсказуемости без количественных ограничений, укрепление сдерживания и что для него требуется в нынешней стратегической ситуации. По мере проведения этих диалогов и в дальнейшем триалога будет нарабатываться доверие, появится опыт сотрудничества, начнет формироваться новое поколение элит, заинтересованных в выстраивании между Россией и США, Китаем и США нормальных неконфронтационных отношений, основанных на сочетании сотрудничества и конкуренции, а не только на конфронтации.

4.4.3. В дальнейшем к этим концептуально-стратегическим диалогам стоит привлекать и другие ядерные страны (Индия, Пакистан, Франция, Великобритания, Израиль, в перспективе Северная Корея).

4.5. Продление ДСНВ-3

4.5.1. Учитывая, что выработка новых правил, режимов поведения и мер транспарентности, а также создание систем коммуникации и связи в условиях кризиса, может занять много времени, в краткосрочной перспективе крайне целесообразно сохранить те меры транспарентности, предсказуемости и коммуникаций, да и ограничения, которые предусмотрены Догово-

ром СНВ-3. Соответственно, целесообразно настаивать на продлении этого договора еще на пять лет (2021 – 2026 гг.) в качестве временной меры, с одновременным запуском переговоров и консультаций по созданию новых инструментов коммуникации и мер транспарентности, философии укрепления многосторонней стратегической стабильности в новых условиях.

4.5.2. В качестве компромисса можно было бы договориться с США о снятии количественных ограничений и продлении на пятилетний срок содержащиеся в этом договоре меры доверия и транспарентности.

4.5.3. Даже если продлить этого договор в 2021 г. не получится, то, по мнению экспертов, в интересах России и США выступить с совместным заявлением о том, что они и далее будут выполнять предусмотренные им меры информирования и транспарентности в добровольном порядке, включая публикацию данных о состоянии СЯС, проведение инспекций.

4.6. Политика в отношении распространения ядерного оружия

4.6.1. Вокруг проблемы нераспространения на ситанализе разгорелся интересный спор. Часть экспертов считала, что в условиях склонности США к игре без правил России не стоит продолжать активно участвовать в борьбе против распространения. Больше количество ядерных держав будет, в первую очередь, работать на усиление сдерживания агрессивной политики США. К тому же ДНЯО уже коренным образом подорван: и уже произошедшим распространением, и агрессиями против держав, отказавшихся от программ производства ядерного оружия.

4.6.2. Однако возобладало другое мнение: что в интересах всех ядерных государств, включая Россию, продолжить усилия по предотвращению дальнейшего увеличения числа стран, обладающих ядерным оружием. В этой связи сохранение ДНЯО должно оставаться среди целей российской политики. Несмотря на распад системы соглашений об ограничении и сокращении вооружений, на публичном уровне следует выражать приверженность статье VI ДНЯО и выступать как минимум против дальнейшего наращивания СЯС и гонки вооружений. В силу того, что оснований для участия в гонке вооружений у России нет и имеющиеся системы надежно обеспечивают сдерживание на кратко- и среднесрочную перспективу, российские заявления о ненужности гонки вооружений не будут голословными. В частности, отсутствие у России намерений наращивать свой ядерный арсенал стоит сделать основой ее позиции на предстоящей в 2020 г. Обзорной конференции ДНЯО.

4.6.3. При этом уже сейчас стоит думать о том, как предотвратить или ограничить дальнейшее распространение ядерного оружия в случае формаль-

ной смерти этого договора, опасность чего, как согласились эксперты, уже сейчас весьма велика. Это предполагает рассмотрение возможности предоставление ядерных гарантий странам – потенциальным приобретателям, в том числе перекрестных, и создание таких систем региональной безопасности, в рамках которых эти страны чувствовали бы себя в безопасности и их потребность в приобретении собственного ядерного оружия уменьшилась бы. Это, разумеется, следует сочетать с международно-политическим давлением и доведением до руководства и элит этих стран, что в случае решения приобрести ядерное оружие или получить пороговый статус, они столкнутся с санкциями, а их общая безопасность лишь уменьшится.

5.6.3. Наконец, поскольку дальнейшее распространение ядерного оружия все же исключать нельзя, а некоторые эксперты считают его весьма вероятным, стоит готовиться к этому сценарию, принимая меры как военного, так и политико-дипломатического характера.

4.7. «Борьба за мир»: новое качество отношений между ядерными державами

4.7.1. **В условиях ядерной многополярности, диверсификации стратегических вооружений и переплетения ядерных и неядерных сил стратегическая стабильность определяется невоенными факторами в не меньшей, а, возможно, и в большей степени, чем военными. Пожалуй, важнейшим фактором представляется качество отношений между ядерными державами и состояние их политических и внешнеполитических элит.** Если эти отношения резко враждебные и конфронтационные, а элиты или в силу безответственности или поглощенности внутривнутриполитической борьбой с легкостью идут на провокационные меры, мир будет находиться на грани войны. Выстраивание же здоровых отношений сотрудничества и конкуренции с нормальной полноценной архитектурой межгосударственного диалога будет серьезной гарантией и от возникновения непреднамеренной войны, и от гонки вооружений, и препятствием на пути развязывания конфликта.

4.7.2. К тому же реализация большинства из указанных выше мер военно-политического характера напрямую зависит от качества политических отношений между государствами и политических элит. Создание каналов коммуникации, мер транспарентности и предсказуемости, выработка правил игры в «серых зонах» и областях, где риск непреднамеренного военного столкновения наиболее высок, не говоря уже о полноценных стратегических диалогах, в новых условиях может осуществляться на добровольной и неформальной основе, по крайней мере на первых порах. Добровольные же действия требуют наличия политической воли, чувства ответственности и соответствующего качества межгосударственных отношений.

4.7.3. Таким образом, одним из важнейших приоритетов деятельности по укреплению многосторонней стратегической стабильности представляется содействие формированию нового качества политических отношений между ядерными державами, прежде всего Россией, США и Китаем, и преодолению нынешней остроты конфронтации. Это качество, по мнению экспертов, должно прежде всего заключаться в однозначном и недвусмысленном принятии всеми тремя странами принципа о недопустимости войны друг с другом – не только ядерной, а любого военного столкновения, и важности его скорейшего прекращения и деэскалации в случае, если подобный конфликт все же произойдет. Кроме того, важно признание этими странами того, что системная конфронтация между ними опасна с точки зрения безопасности и губительна для их внешнеполитических интересов.

4.7.4. Целесообразно открыто и на высшем уровне провозгласить «борьбу за мир» – недопущение войны между ядерными державами важной целью российской внешней политики, сопроводив это «мирными инициативами», нацеленными не столько на разоружение и сокращение вооружений, сколько на оздоровление и улучшение политических отношений между ними. Данный шаг, помимо прочего, восполнит один из часто называемых экспертами пробелов российской внешней политики – ее реактивность, недостаток ярких инициатив и дефицит публичного сопровождения правильного по сути курса.

4.7.5. Содержательно «борьба за мир» должна включать в себя как позитивные инициативы, нацеленные на укрепление диалогов, взаимодействия с другими ядерными державами и на утверждение имиджа России как ответственной великой державы, так и возрождение у элит и обществ ядерных держав рационального страха перед войной с другими ядерными державами, преодоление «стратегического паразитизма». Мирные инициативы уже начал выдвигать Пекин. Стоит содействовать позитивной конкуренции в этой сфере, подключая к этому процессу максимальное количество стран и слоев обществ.

4.7.6. Возрождение страха перед войной представляется в краткосрочной перспективе наиболее первоочередной мерой оздоровления отношений между ядерными державами и укрепления многосторонней стратегической стабильности. Для этого необходимо, во-первых, уточнить российскую ядерную доктрину и другие документы военно-стратегического характера, а также сделать ряд заявлений на высшем и высоком политическом уровне, и обозначить в них те меры, на которые Россия пойдет в случае военного нападения, вплоть до применения ядерного оружия. С указанием, что Москва не будет делать различий между контрсиловым ударом в ядерном и неядерном оснащении или между ударом по ее территории стратегическими или нестратегическими ракетами с ядерным боезарядом. Во-вторых,

необходимо на уровне СМИ и публичных заявлений регулярно напоминать о последствиях и цене ядерной войны. В-третьих, желательно проведение при содействии Москвы серии мирных конференций алармистского характера, с обоснованием на них большого риска военных непреднамеренных столкновений ядерных держав неядерного характера и вероятности гонки вооружений между США и Китаем, и анализом их последствий.

4.7.7. Позитивная составляющая «борьбы за мир» предполагает, во-первых, качественную интенсификацию диалогов с европейскими и азиатскими странами (как с Китаем, Индией, Вьетнамом, другими странами АСЕАН, так и с союзниками США – Японией, Республикой Корея, европейскими государствами) об опасностях военных столкновений между ядерными державами, невозможности контролировать ядерную эскалацию и о необходимости всячески укреплять системы коммуникации, меры транспарентности и предсказуемости, а также правила поведения в военной сфере. Эти диалоги следует вести в первую очередь по линии экспертного сообщества и диалогов второго трека. Во-вторых, целесообразно укреплять соответствующий экспертный диалог с США, а также выстраивать взаимодействие с той частью американской элиты, которая выступает против гонки вооружений, понижения порога применения ядерного оружия и разрушения правил и режимов в военно-стратегической сфере, включая демократов. В-третьих, следует активизировать публичную дипломатию, ориентированную на гражданские общества США, стран Европы и Азии, и доносить до них мысль об опасности конфронтационных отношений между ядерными державами, «стратегической фривольности» и разрушения всех возможных режимов и правил игры. **Целесообразно провести по инициативе России масштабную глобальную мирную конференцию и сделать на ней программное выступление на уровне президента о важности недопущения любой войны между ядерными державами, включая неядерную.**

4.8. От преодоления сдерживания к эффективному многостороннему ядерному сдерживанию

4.8.1. Изменения в политико-психологической и военно-технической сферах, о которых речь шла выше, объективно увеличивают угрозу войны. По крайней мере в кратко- и среднесрочной перспективах эта угроза будет иметь тенденцию к возрастанию.

4.8.2. Чтобы преодолеть ее и спасти человечество от катастрофы, нужна новая политика. Некоторые ее элементы представлены выше. **Но нужна и новая философия политики в области стратегической стабильности.** Раньше эта политика основывалась на трех опорах: односторонние меры по укреплению сил сдерживания (со стороны США были и остаются, види-

мо, попытки вернуть превосходство); меры по укреплению каналов связи и коммуникаций; и меры по ограничению (и сокращению) ядерных вооружений. При этом последнее направление политики основывалось на постулате движения к безъядерному миру и к преодолению ядерного сдерживания. В новом и будущем мире такая философия политики, если она и была правильной в прошлом, видимо, устарела. В условиях, когда утопия о преодолении соперничества между великими державами в рамках «либерального международного порядка» (который на деле представлял собой гегемонию США) потерпела крах и это соперничество вернулось как нормальное состояние международных отношений, преодоление ядерного сдерживания усилит, а не ослабит, угрозу войны между великими державами, и даже делает ее неизбежной.

4.8.3. В этой ситуации предлагается отойти от прежнего, во многом лицемерного со стороны ядерных держав, подхода. **И поставить в центр общей политики укрепление взаимного ядерного, стратегического сдерживания. Которое и являлось и еще больше будет являться в обозримом будущем главной основой поддержания мира при всем его понятном несовершенстве. Основой же будущих совместных действий ядерных держав должно стать укрепление многостороннего взаимного сдерживания как главного фундамента, на котором можно строить многостороннюю стратегическую стабильность.**

Приложение 1

Список участников ситуационного анализа – представителей экспертного сообщества

- 1 БАКЛИЦКИЙ Андрей Александрович**
Научный сотрудник Центра глобальных проблем и международных отношений
Дипломатической академии МИД России, Консультант ПИР-центр
- 2 ЕРМАКОВ Александр Сергеевич**
Военный обозреватель, эксперт РСМД; автор «Колонки капитана Смоллетта»
- 3 ЗОЛОТАРЕВ Павел Семенович**
Заместитель директора, Институт США и Канады РАН; Президент, Межрегиональный общественный «Фонд поддержки военной реформы»
- 4 КАРАГАНОВ Сергей Александрович**
Научный руководитель – Декан факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, Почетный председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике; ведущий ситанализа
- 5 КАШИН Василий Борисович**
Заведующий сектором международных военно-политических и военно-экономических проблем Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ
- 6 КРАМАРЕНКО Александр Михайлович**
Директор по развитию Российского совета по международным делам
- 7 РОГОВ Сергей Михайлович**
академик РАН, Научный руководитель Института США и Канады РАН
- 8 РОМАШКИНА Наталья Петровна**
Член-корреспондент Академии военных наук, Руководитель группы проблем информационной безопасности ИМЭМО РАН
- 9 СТЕФАНОВИЧ Дмитрий Викторович**
Эксперт Российского совета по международным делам
- 10 СУСЛОВ Дмитрий Вячеславович**
Заместитель директора Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ
- 11 ФРОЛОВ Андрей Львович**
главный редактор журнала «Экспорт вооружений»